

ВАЛЕНТИН
ИВАНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИБАДУЛЛЫ
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Валентин Иванов

Возвращение Ибадуллы

«Алисторус»

2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Иванов В. Д.

Возвращение Ибадуллы / В. Д. Иванов — «Алисторус»,
2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-473-0

Автор этой книги, замечательный советский писатель Валентин Дмитриевич Иванов (1902–1975) родился в Средней Азии, работал инженером, в послевоенные годы стал публиковать шпионские романы, завоевавшие колоссальную популярность. Еще более широкую известность принесли Иванову романы «Повести древних лет» и «Русь Изначальная». Книга, которую мы предлагаем вашему вниманию — классический шпионский роман. На землю отцов, где установилась советская власть, возвращается изгнанник. Англо-американские спецслужбы разрабатывают диверсионную операцию против СССР. Борьба разведок разворачивается на южных рубежах Родины. В этой истории переплетается все — и религиозный фанатизм, и басмаческие следы... Кто выйдет победителем?

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-473-0

© Иванов В. Д., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Часть первая. Земля отцов	6
Глава первая. Тяжелый путь	6
Глава вторая. Дневной рассвет	13
Глава третья. Священный город	19
Глава четвертая. Прошлое и настоящее	27
Глава пятая. Знаки величия	36
Часть вторая. Ночное путешествие	44
Глава первая. Кровавые планы	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Валентин Иванов
Возвращение Ибадуллы

© ООО «Издательство Родина», 2026

Часть первая. Земля отцов

Глава первая. Тяжелый путь

I

С равнины горы видны издалека. Для жителя степи они закрывают и возвышают горизонт, кажутся границей мира и служат рубежом, за которым воображение рисует иную землю. Сверкающие вершины висят над голыми стенами, которые опираются на пятнистые склоны.

Изменчивые, непостоянные краски гор зависят от часа дня и времени года. Летом белые шапки укорачиваются, осенью начинают сползать вниз и всю зиму опускаются к равнинам, никогда не достигая их. Под солнцем горные льды вспыхивают, блестя голубыми, зелеными, розовыми лучами.

С равнин горы не кажутся далекими. Думается человеку, что довольно ему сесть на доброго, сильного коня, чтобы уже к концу дня достигнуть подножий. Но проходит полдень, близится вечер, а горы все отступают. Упрямый наездник ночует в степи.

На второй день всадник начинает замечать в горах движение. Это изумительное зрелище! Кажущееся единство гор распадается на пояса укреплений, они перемещаются, множатся и

устанавливаются в глубину, готовясь к борьбе с человеком. Навстречу выходит первый вал обороны, за ним шевелятся другие. Проверая готовность, они меняют очертания, обнажают каменные мускулы скал.

Первый вал открывает лысины, разбросанные среди лесов. А вот уж это и не леса, а выпяченные травянистые ребра. Тени лесов, превратившись во впадины, извиваются и стекают с подножий. Там, в глубоких выемках, и вправду прячутся леса.

Вчера смутная зелень только угадывалась. Сегодня всадник видит весь первый вал гор с его мягкими, закругленными вершинами. Он порос травой и кустами, по нему ползут медленные тени облаков. Высокие каменные стены, которые вчера, казалось, опирались на мягкие дерновые подножья, отступили назад, насупились – дикие, мрачные. А белые шапки все еще висят где-то далеко, не приближаясь и не удаляясь.

Конь идет по диким полям. Маки миллионами чашечек едино и гибко повинуются движению солнца и заливают землю алым цветом. Кончаются маки, и их сменяют низкие заросли тюльпанов.

Всадник поет. Мотив его песни однообразен и прост. Повышая и понижая голос, человек рассказывает обо всем, что видит. Он поет о цветах и травах, о сусликах, которые свистят тревогу и прячутся в хитрых норах, о ястребе, который охотится за сусликами, о ветре, о солнце и о себе самом с сокровенными думами одиночества.

Кончив свою песнь, всадник вспоминает другие – о черном медведе и барсе, жителях пещер, о кабанах, пасущихся в сочных долинных лесах, о прохладных ручьях, которые бегут с гор, чтобы напоить поля и исчезнуть в песках. Всадник поет от полноты сердца и радости жизни. Ему вольно и хорошо.

На третий день в шапках гор проступают синие и зеленые льды, и наконец-то видит всадник, как далеки они и те хребты, которые их носят. Они спрятались за первым поясом, прикрылись скалистыми стенами второго и не над ними стоят, а смотрят из-за них!

И человек постигает не со слов других людей, а собственным опытом несравненное величие гор. Он останавливается и озирается кругом. Положив руку на круп коня, он оглядывается, ищет взором места, откуда пришел. Внизу лежат его равнины! А сам он уже в горах; сам того не заметив, он уже поднялся над степями и пустынями.

Познавая необычное, он смотрит, он мыслит и продолжает свой путь уже без песен.

II

Дышится плохо, дышится трудно. Голова так тяжела, точно набита тем же камнем, по которому ступают ноги. Дороги нет – скользкая узкая тропа бесконечно ползет и ползет вверх, цепляясь за отвесную стену ущелья.

Слишком мало света проникает сверху, и в ущелье темно. Где-то на дне бежит ледяная вода. Живая вода должна бурлить на камнях, прыгать и пениться на скалистом ложе. Но не видно и не слышно воды – такой мрак лежит внизу и так глубока пропасть. Там, под ногами, пусто и тихо. Пустота терпеливо ждет неверного шага человека, бродящего по горным кручам. Карабкаясь по оврынку – карнизу, подвешенному на случайных выступах скал, томительно напрягаясь, тянутся люди и выючные животные.

А наверху кружит метель. Ветер бьет снегом в горные вершины, терзает камень, залепляет трещины, полирует скалы и льды. На оврынг сыплются упущенные вихрем струи песка и мелких камней, летит сухая снежная пыль. Люди смотрят вверх с тревогой: если ураган спустится в ущелье, он сорвет маленький караван с узкого карниза, как осенний ветер уносит вялые листья. Лучше остановиться и переждать во впадине стены. Есть надежда, что здесь удастся спастись.

После невольной передышки люди вынуждают себя идти и заставляют двигаться животных. Ураган наверху стихает; нужно выбраться из теснины до наступления ночи.

Наконец достигнут перевал. Его обозначают невысокие пирамиды камней, сложенных редкими путешественниками много лет тому назад. Кое-где между камнями торчат рога горных козлов – нахчаров и гульджей. Это благодарственные жертвы богам или богу за то, что смерть еще раз пощадила людей, позволила им подняться на перевал из далеких равнин.

Наверное, были здесь и лоскутки цветных тканей, знаки суеверного почтения и благоговения, привязанные к рогам и зацепленные за камни. Если и были, то время унесло их. Уже десятилетия минули, как перевал заброшен. Современные пути прошли стороной.

III

Недалеко от каменных пирамид с рогами нахчаров стоял рабат, хижина для путешественников, – грубо сложенные четыре стены из дикого камня с примкнувшим к ним загоном для скота.

Много лет ушло с того дня, когда через перевал прошел последний караван, и никто не знает, кем и когда был построен этот рабат. Однако его крыша и навес над загоном хорошо сохранились. На больших высотах гниение не властно над деревом. Здесь нет ни грибка, ни точащих древесины насекомых.

Даже неожиданный запас топлива нашли путники в углу рабата. Это была куча терескена – растения, благословенного горцами за то, что оно умеет распускать на мертвых галечных осыпях пучки веток, похожих на сплюснутые кочки.

Не произнося ни слова, путешественники развьючили косматых, дикого вида яков и поставили их в загон. От ветра дыру входа завесили кошмой и развели огонь в грубом очаге без трубы. Терескен вспыхнул сразу и дал сильное, жаркое пламя. К нему протянулись шесть рук. Люди молчали, им не о чем было разговаривать между собой. У них не было общих мыслей, которыми они могли бы поделиться. Двое из них получили деньги за работу – они обязались проводить третьего до границы и указать ему путь за рубеж.

Обещая все хорошо исполнить, проводники поклялись рассветом, десятью ночами, всем великим и единственным и приходящей ночью. Клянясь, они вкладывали свои руки в руки нанявшего их человека. Таковы формула и ритуал нерушимой клятвы. Путник был уверен в своих проводниках и мог положиться на то, что запас продовольствия и топлива, оставляемый в рабате на случай, если он вернется, никто не тронет.

Несколько дней тому назад этот путник пришел с юга. И если он сумел найти затерянный кишлак, значит, он был сильный человек, который не боится гор. В кишлаке он был принят по обычаю, как гость, у которого не спрашивали имени и цели прихода, пока он сам не назовет их. О чем говорил пришелец с главой кишлака аксакалом, старший проводник узнал, когда его позвали, – чужой искал дорогу за рубеж, и аксакал согласился помочь ему.

Целая жизнь прошла с тех черных дней, когда русские и афганцы устанавливали новую границу между своими владениями. Хитрые инглезы сумели навязаться в судьи для разрешения и примирения пограничных споров, и они обманули и русских и афганцев. Плохая получилась граница: она разделила таджикские семьи, разъединила братьев. С тех пор изменились караванные пути, но аксакал, старый человек, помнил горные тропы и знал, кому поручить путника. Аксакал сказал проводнику: «Этот человек говорит, что хочет вернуться на родину и он оплатит твой труд».

Каждый должен иметь родину и стремиться к ней – это такая же очевидная истина, как то, что каждый труд следует вознаграждать. Теперь путник близок к цели. Дальше он пойдет один.

«Что суждено этому человеку? – думал старик. – Ждет ли его жизнь или смерть? Разве кто-нибудь из живых читал книгу судьбы? Никто...»

IV

Дым терескена легко уносился в дыру над очагом. Вода быстро закипела в медном, насквозь черном от давней сажи кумгане, но чай был невкусен. На высоте перевала вода начала кипеть при температуре около восьмидесяти градусов и больше не нагревалась, поэтому путешественники и не пробовали сварить себе рис – они знали, что твердые зерна не разварятся и за целые сутки. Рис – пища жителей долин и предгорий, но не тех, кто бродит по хребтам Крыши Мира.

Трое людей насытились привезенным с собой холодным вареным мясом и черствыми лепешками, легли и скоро заснули. Вокруг рабата рвался ветер, метал снег и песок, шуршал, стонал и выл дурным голосом. Где-то вдали загремело...

Старший проводник поднялся, поправил терескен в очаге, вслушался, покачивая головой с длинными редкими волосами на остром подбородке худого морщинистого лица. И снова в горах прошла лавина. Едва заметно дрогнула земля...

Наутро лица всех троих почернели – не от дыма очага, но потому, что ночи на больших высотах бывают тягостны. Глянув один на другого, они смолчали.

Все вместе они сложили в углу рабата оставляемые путнику скудные запасы и заботливо завалили их большими камнями. Выюки сделались легкими, и младший проводник один седлал яков. Старший показывал и объяснял путнику, как тот должен идти дальше один.

Перед ними лежала безотрадная каменная пустыня. Повсюду – скалы, мертвые галечные поля, перепутанные острые хребты с рваными позвонками. В чистой пустоте неба над обледенелыми вершинами висели перистые полоски облаков. Стало совсем светло, но солнце все еще не могло взойти, прячась внизу, под горами. От мерзлых камней веяло мертвенным холодом.

Рассказывая о дороге, проводник почти не прибегал к словам. Расстояния он изображал числом поднятых пальцев, повороты обозначал движением согнутых под углом ладоней. Путник должен был дойти до реки и переправиться на другой берег. Тряся пальцами и чуть прищелкивая языком, старик изобразил стремление бурной воды. Жестикуляция, редко подчеркиваемая отдельным коротким словом, служила непередаваемой манере горца рассказывать о местности, так он привык. Бессознательно подражая забытому искусству древних мимов, актеров старинной пантомимы, старик как бы лепил руками, и его немой рассказ печатался в сознании и памяти слушателя, как ясная рельефная карта.

Своими жестами проводник переходил реку – он сказал «об», что значит по-таджикски вода, – проникал в долины, карабкался по кручам и шел уже там, за границей. Наконец он чуть слышно, нехотя произнес: «Кишлак», присел, изображая окончание пути, и выпрямился. Все. Остальное его не касалось.

Зажимая в руке короткую клочковатую бородку, путник внимательно слушал и следил за жестами проводника, потом попросил повторить все сначала. Тот терпеливо повторил, после чего они взглянули друг другу в глаза и путник сказал:

– Возьми пищу из рабата. Увези ее с собой. Я не вернусь.

Ничем не выразив своего удивления, старый горец сделал рукой отрицательный жест. Он поклялся оставить тут продовольствие, и как же можно привезти его обратно? Аксакал обвинит его в обмане гостя. Нет, все останется здесь...

Вскоре двое людей и три яка двинулись в обратный путь. Оставленный в одиночестве путник – его звали Ибадулла – слышал, как младший проводник запел. Юноша вывел высокую ноту и смолк. Потом повторил, взяв ниже, и вдруг рассыпал скорбные музыкальные фразы, точно заплакал.

Это была грустная, за душу хватающая песнь горца, печальная, как ледяные пустыни и вековой гнет, в которых родились и певец и мелодия. В душе одинокого путника она отдавалась тревогой.

А старый проводник торопил яков. Теперь они были свободны от груза и на них было удобно ехать верхом. Солнце, наконец, встало в небе, и ветер внезапно стих. Сделалось тепло, и все стало обычным. Но жутко было старику. Он чувствовал: место на перевале стало плохим, почему-то дурным стало место – вот что! Скорее прочь отсюда: день встал недобрый, и час наступает недобрый.

О человеке, оставленном на перевале, горец уже забыл. Старика давило предчувствие беды, грозящей ему самому и его любимому младшему сыну, который умеет так хорошо петь, и его дорогим якам. Скорее, скорее бежать отсюда – злой час подступает! Дьявол-Эблис, ломающий горы, затевает возню в темных ямах преисподней...

И верно, в ущельях гудело и ухало, под ногами чуть вздрагивала земля.

V

Расставшись с проводниками, Ибадулла тоже не медлил. Он забросил за спину шерстяной мешок – курджум с черными и грязно-белыми полосами – и пошел к северу, где внизу, после спуска, должна протекать горная река, служившая пограничным рубежом.

Дороги не было, тропа умерла на перевале, и где было ее продолжение – неизвестно. Белые кости животных, разбросанные там и сям, были единственными свидетелями прежних путей.

Ибадулла ступал нелегко, воздух высокого плоскогорья был слишком редок, чтобы человек мог позволить себе свободу быстрых движений. Тотчас же сердце напоминало о себе мучительно-быстрым биением. Грудь требовала воздуха, и ничем не удавалось утолить ненасытную жажду: ни поднимая плечи, ни растягивая, сколько хватало силы, сделавшиеся тесными ребра. Одно помогало – частый отдых.

Путник знал режим пешехода в горах и не боялся припадков удушья – они кончались после короткой передышки, и Ибадулла вновь двигался дальше. Дорогу ему указывали три вершины – две справа и одна слева.

Проходили часы. Много раз по мере движения солнца ветер менял направление. Налетали внезапные шквалы, полные снежной пыли и острого песка, потом вновь прорывалось неожиданно жаркое солнце.

Ибадулла миновал плоскогорье и сползал вниз по осыпи. Спуск был крут и тяжел, но дышать становилось все легче. Уже ушли три путеводных горных пика, сменившись двумя другими.

Иногда человек скользил и падал, хватаясь руками за что попало. Срывались камни и скачками мчались вниз. Один камень сбивал с места другой. Вся поверхность осыпи принималась греметь, морщиться, течь.

Такие места называются тарахташ – гремящие камни.

Ибадулла боялся движения камней. Порой ему казалось, что вся осыпь готовится ожить и смолоть его в беспощадной громаде. Скорее бы достигнуть поворота, где можно будет расстаться с предательской дорогой... После каменной реки рубеж должен быть близок.

Наконец Ибадулла увидел под собой стремнину настоящей реки. Рожденная невдалеке, она была маловодна и от пены казалась белой, как вата хлопчатника. Ледяная вода была еще холоднее, чем воздух, и над рекой стлался легкий туман.

Изображая реку, проводник указывал себе на пояс – поток был мелок. Но трудность заключалась в том, чтобы перейти реку незамеченным и не обнаружить себя на том берегу.

Ибадулла затаился на краю наречной террасы. Он знал, что сам он неразличим среди скал. Но как же трудно было и ему рассмотреть кого-нибудь на том берегу! Если он войдет в воду, то будет замечен, как камень или бревно. Но камни в реке неподвижны, а бревен здесь не бывает.

Далеко и много видел Ибадулла из своей засады. Он удалился на расстояние, быть может, в целый тап, то есть на десять или двенадцать километров. Здесь, внизу, дышалось свободно, полной грудью.

Разница в высоте обозначалась теплом и весной. Здесь повсюду, где мог зацепиться корень, распускались растения. На корявых ветках шиповника зеленели листья, кое-где выскочили розовые стрелы эремурусов, алели первые цветы.

Кристалльная прозрачность воздуха сокращала расстояния и чудесно приближала все предметы. Далеко вправо и несколько ниже виднелись маленькие, как спичечные коробки, приземистые здания и квадратные башни серо-желтого цвета. Осведомленный проводником, Ибадулла знал, что там афганский пограничный пост. На противоположном берегу не удавалось различить ни одного строения. Там было пусто: каменные осыпи, скалы, кое-где живая зелень – и только. Но Ибадулла не доверял глазам и не спешил. Не следует спешить. Ведь он мог ждать день, два, неделю... Нужно присмотреться, понять, освоиться и не сделать ошибки.

Никто не гнал Ибадуллу, не было никакого приказа, лишаящего его самостоятельности и связывающего сроком. Хотя он не считал, что готовится совершить что-то дурное, но знал, что должен скрываться и что для осуществления его намерения ночь будет благоприятнее дня. Он поправил веревки, удерживающие курджум за плечами, и встал, невидимый в тени скалы.

VI

Вдруг под ногами Ибадуллы земля пошла в сторону или что-то дернуло его за ступни, он не понял. Но он уже падал, тщетно пытаясь удержаться. Инстинктивно сгибая колени, он вытягивал руки, ловя несуществующую опору. Опять его бросило, он боком коснулся земли и, извиваясь, пытался подняться.

Ибадулла видел, как берег реки раскололся и начал медленно, нестерпимо медленно разворачиваться, как створ грандиозных ворот, открывающих выход из подземного мира. Весь целиком раскачивался горный хребет и так неторопливо, точно само время остановилось. Лениво и мягко проседали скалы... И, наконец, человек услышал гром кончины мира. Точно труба звучала над землей и в земле. Она гудела, ее рев налегал, давил и нестерпимо мучил кости и мускулы бессильного тела.

Удар, и еще удар, и еще... не было счета, и некому было считать. Все разрушалось.

Ибадулла еще слышал треск и грохот гор, но уже ничего не видел. От разрушенных гор поднялась пыль, затмившая небо. Но человек успел подумать, что сам он уж мертв, погребен и для него ничего больше не осталось в этом враждебном мире...

Ибадулла очнулся, пораженный тем, что он еще живет и дышит. Пыль редела. Крупные частицы выпадали вниз, а мелкие еще долго будут плавать в атмосфере, подкрашивать дождь и придавать особенную, тревожную красоту небу и зорям.

День вернулся; горы успокоились, но Ибадулла больше не узнавал их. На том месте, где были здания пограничного поста, высилась гора. Не стало вершин, служивших ему указателями пути. На юге, откуда он спустился, был обрыв, за ним вставали высочайшие стены. На севере река исчезла – там зияла впадина, сухой отрезок бывшего русла.

Из всего, что только что неизбежно было здесь, лишь он, маленький слабый человек, остался невредимым. Ибадулла почувствовал нестерпимую муку одиночества. Чего не отдал бы он за звук человеческого голоса!

Еще плохо сознавая, что он делает, путник устремился на север. Как муравей, он карабкался в диком ландшафте только что рожденной поверхности земли. Одного страстно хотелось ему – скорее уйти от гор и от этого страшного места.

Глава вторая. Дневной рассвет

I

Солнце село, и темнота заставила Ибадуллу лечь. Он заснул сразу тяжелым, лишенным сновидений сном.

Очнувшись утром, путник вспомнил все. Рядом с собой он нашел курджум с запасом пищи и удивился ему, как чуду.

В горах стояла тишина – такая давящая и тяжелая, как вода на дне колодца. Глядя в бледное рассветное небо, Ибадулла думал об удивительной прихоти судьбы, которая разрушила горы и сохранила в целости слабое тело человека...

Итак, он совершил задуманное и пришел на эту землю. Позади остался рубеж, граница двух государств в диких горах, где все разрушено землетрясением. Теперь его жизнь разделилась на две части...

Ибадулла старался вновь и вновь осознать значение совершенного. Нет, он не сделал ошибки. На мгновение он ощутил силу и свободу. Да, пусть будет так. Но в его мыслях было смирение, а не гордость.

Пора. Ибадулла поднялся, закинул за плечи курджум. По привычке он забрал в кулак свою короткую курчавую бороду. Нужно понять, куда идти. Он немного постоял, озираясь по сторонам, спокойный, неторопливый, тщетно стараясь вспомнить жесты и редкие слова старого горца-проводника, найти в памяти указание и связать его с местностью. И он двинулся вниз по ущелью, твердо зная одно: нужно спускаться, чтобы выйти из гор на север или на запад.

В середине дня Ибадулла почувствовал близость селения. Встретились бесспорные признаки: сначала на узенькой террасе нашелся кусок возделанной почвы и под ногами оказалась тропа со следами, оставленными домашними животными. Но вскоре тропа исчезла под беспорядочным нагромождением обломков камней. Пришлось проделать трудный и опасный обход по кручам. Потом вновь попала тропа.

Вдруг до слуха Ибадуллы дошел первый за все время голос живого существа. Он увидел человека, лежащего ничком. Рядом с ним мохнатая собака протяжно выла, задирая к небу узкую морду.

Ибадулла приблизился. Собака встала и, охраняя неподвижное тело, с грозным и жалким рычаньем обнажила желтые зубы.

Путник попятился. Он не испугался клыков, но отдавал должное верному сторожу. Не делая резких движений, он присел в стороне и наблюдал. Руки человека были раскинуты, подогнутые ноги застыли, и в открытых глазах не было жизни.

Ибадулла нашел в курджуме вареное мясо, отрезал кусок и бросил собаке. Обманутое взмахом руки человека, животное отскочило, но потом жадно проглотило мясо. Привыкнув к незнакомцу, собака позволила ему приблизиться к телу хозяина.

Путник заметил рану на голове и засохшую кровь на руках мертвого. Застигнутый подземным толчком, спасаясь от смерти, он, очевидно, выскочил из дому, но камень настиг его.

Грусть сжала сердце Ибадуллы. Он понял, что под обвалом погиб целый кишлак – так же, как вчера на его глазах исчез афганский пограничный пост. Путник опустил голову и закрыл лицо руками...

Нехорошо покинуть без погребения тело человека, бросить его на добычу птицам и зверю. Собака не помешала Ибадулле опустить погибшего в расщелину и завалить его камнями. Животное пошло было за путником, но скоро отстало.

В ущелье, где брел Ибадулла, было сухо, и это все больше беспокоило его. Человек не может слишком долго обходиться без воды.

II

Среди ночи рассыпались молнии. Синие извилистые вспышки били сразу со всех сторон. Ибадулла видел, как грозовые стрелы падали сверху и поднимались снизу. Гром рвался в скалах, и никто не мог бы сказать, что грохочет сильнее – небо или горное эхо.

Воздух сделался жестким и сухим, как песок пустынь. Ибадулла чувствовал, что во рту у него появилось странное ощущение кислого. Ему казалось, что по телу прыгают искры. Вскоре обрушился свирепый короткий ливень. Он потушил молнии и напоил человека.

Утром от ночных потоков остались во впадинах лужи светлой воды; они утолили жажду, и путник двинулся дальше.

В тени ущелий было прохладно, а на освещенных местах солнце палило. Ибадуллу лихорадило, он пил жадно и много.

Ущелья бесконечно ветвились, по-прежнему мертвые, безлюдные. Изредка в неизмеримом пространстве прозрачного воздуха мелькал орел. Порой на кручах виднелись табунки каменных козлов-нахчаров. Однажды особенный звук поразил внимание Ибадуллы. Он остановился и наблюдал за маленьким, блестящим на солнце самолетом, который огибал высокий пик горы. Издали казалось, что он не летит, а ползет по круче. Самолет оторвался от горы и исчез. В горах стало еще пустынее...

На третий или на четвертый день Ибадулла понял, что он блуждает. Время шло, а воды больше не было. Пришло утро, когда путник бросил пустой, отслуживший свое курджум. Человек устал. Теперь он шел по долинам, где встречались полянки, поросшие низкой весенней травой. Иногда почти из-под ног вспархивали доверчивые куропатки. Кое-где встречались ленивые сурки. Но у путника не было оружия, чтобы сбить птицу, и он не умел ловить сурков. Кроме возможности идти, у Ибадуллы ничего не было. Он не хотел думать и умел не думать о том, что с ним будет, когда отсутствие воды и пищи станет сильнее его воли. Он шел и шел.

Одна из ночей застигла его у выхода из ущелья. Наверное, уже очень далеки и перевал и страшные места, разрушенные землетрясением. Ибадулла вглядывался в темноту, но нигде не мерцал огонек. Засыпая, он понял, что не знает, сколько дней уже длится его блуждание в горах.

Ночь не принесла отдыха, утром усталость была еще большей. Ибадулла еле заставил себя подняться на непослушные ноги. Он долго стоял, мучительно борясь с головокружением.

В предгорных равнинах весна доживала свои последние недели. Воздух был свеж, полон тонкого запаха цветущих трав.

Наконец перед Ибадуллой открылось свободное пространство. Постепенно, мягкими террасами в неизмеримую даль уходили равнины. Им не было предела. Горизонт спрятался за туманной сухой дымкой дрожащего воздуха. Где-то там лежали горячие пески пустынь. И где-то, невидимые отсюда, были людские поселения.

Ибадулла уверял себя, что не могут быть слишком далеки жилища, и люди, и вода... Нужно идти, нужно заставить себя идти.

Голода уже не было. Рот высох. Нельзя было сомкнуть растрескавшиеся, твердые губы, нельзя было сказать ни одного слова, даже если бы было кому сказать.

Ибадулла заставлял себя считать шаги и на каждую сотню загибал один палец. Когда пальцев не оставалось, он позволял себе остановиться, поднять голову и взглянуть вдаль. А на ходу приходилось смотреть под ноги, чтобы не упасть. Ибадулла постоянно сбивался со счета, но не хотел отказаться от него. Счет осмысливал движение и очень помогал бороться с соблазном поскорее лечь и отдохнуть.

Нужно беречь, беречь время, ведь силы уходили сами собой с каждым исчезающим часом. Ибадулла знал, что у него остается не так много часов.

Когда он оглядывался назад, горы казались такими близкими, точно он не отходил от них. Но как-то он заметил блеск в горах, и это утешило его. Он смотрел на игру льдов в лучах вечерней зари. Солнце садилось, были освещены только верхушки гор, и от почерневших подножий на степь наступал мрак, приближаясь и сгущаясь.

Ибадулла понял, что много прошел, и пожалел, что у него не хватит сил дойти до конца. Но о том, что он выполнил свое желание и пробился через горы, он не жалел.

Жажда и голод неотвратимо, помимо воли человека, делали свое дело. Как Ибадулла двигался дальше и что с ним было или должно было быть, он больше не знал. Переставая понимать и помнить, Ибадулла все же брел вперед, шатаясь, запинаясь и падая.

III

В пустой высоте неба таился орел. От нагретой солнцем земли взвивались токи горячего воздуха, но тепло не могло подняться так высоко, как птица. Жестокий мороз властвовал там. Орлу не было холодно. Его спину согревали прямые солнечные лучи, его жилистое тело покрывал черно-желтый пух, его могучее сердце мощно толкало в артерии горячую кровь.

Нежные концы перьев на распростертых крыльях ловили малейшие изменения плотности воздуха, на который опирался орел. Принимая их сигналы, грудные мускулы бессознательными, но верными движениями поддерживали равновесие и сменяли короткие нисходящие спирали восходящими. Орел был свободен, и его глаза искали добычу.

К горам медленно, почти незаметно ползло что-то, что с этой высоты показалось бы всякому другому глазу бесформенным, слегка меняющим контуры пятном, тенью почти неподвижного облака. Но орел различал уверенных вожаков стада, могучих баранов, которые помнят дороги на летние пастбища, и стройных молодых овец, и внимательных маток с беспокойными, беспомощными ягнятами – нежной, желанной добычей.

Уже пора бы орлу совершить разбойничий налет на стадо, уже прошел не один час, но хищник еще выжидал. Он видел повозки, следующие за стадом, и фигуры всадников. Не разумом, а опытом, переданным от длинного ряда предков, орел ощущал смертельную опасность.

Кроме людей, безопасность стада охраняли чуткие собаки. Точно гибкая кольчуга покрывала стадо, и орел терпеливо ждал удобного случая для внезапной атаки.

Орел висел над стадом и следил за ним не отрываясь. Но видел он в степи и еще одно живое существо: навстречу массе овец двигался человек. Он перемещался еще медленнее, чем стадо. Иногда он падал и долго лежал, точно таясь и прячась, потом полз и был похож на волка, который скрадывает добычу. Изредка человек поднимался, но вскоре опять падал и замирал надолго.

Орлы не нападают на людей, для них человек не служит добычей, за которой охотятся, которую отслеживают. И все же одинокий обессиленный путник привлекал его внимание. Долгие остановки и неверные движения человека возбуждали орла. Слабость, проявленная живым существом, всегда волнует хищника.

Орел сложил крылья и, управляя хвостом, начал падать. Над землей он осторожно расправил крылья, описал круг над телом, опустился вблизи и застыл, глядя на человека круглым глазом. Казалось, что оба – и птица и человек – мирно отдыхают. Орел чувствовал, что человек еще жив, и это заставляло его быть осторожным.

Постепенно хищная птица осваивалась, смелела и раздражалась. Переступив раз и два, она нацелилась. И вдруг человек пошевелился! Орел взмахнул крыльями и тяжело оторвался от земли.

Бригадир Умар Ишанбаев не первый час приглядывался к врагу, устроившему засаду в небе. Когда орел упал в степь, Ишанбаев отъехал от стада, но не прямо к орлу, а наискосок, чтобы не спугнуть осторожного хищника.

Метрах в четырехстах Ишанбаев остановил приученного к стрельбе с седла коня и приготовил карабин. Он уже держал орла в крестике оптического прицела, когда на земле что-то пошевелилось, и птица взлетела.

Краем глаза Ишанбаев заметил лежащего человека. Это не помешало ему завершить начатое. Затаив дыхание он слился с ружьем, легко, не напрягаясь, повел прицел, опередил хищника и мягко нажал на спуск.

Камнем рухнул на землю орел, а Ишанбаев поскакал к человеку. Глаза лежащего были открыты, взгляд странный, дикий.

– Друг, что с тобой?

Ответа не было.

Ишанбаев присел, осторожно приподнял голову человека.

– Товарищ, кто ты? Откуда?

Глаза изменили выражение. Губы не шевелились, но послышался какой-то слабый гор-танный звук. Ишанбаев, подставив ухо, спросил еще раз и услышал откуда-то издалека:

– ...шел... гор...

Потом глаза закрылись, но не совсем. От истощения между веками осталась щель, через которую проглядывала полоса глазного яблока. На своих ладонях Ишанбаев ощутил мертвую тяжесть головы.

Подскакал еще один пастух.

– Он пришел с гор, – объяснил бригадир. – Плохо, совсем умирает.

Пастухи знали о большом землетрясении, о большом несчастье, случившемся в горах две недели тому назад. В тот день толчки были и в их районе, но без разрушений и жертв.

Они смотрели на почерневшее лицо с присохшими к деснам губами полуоткрытого рта. Умирающий, быть может, один уцелел из населения погибшего горного кишлака...

Ишанбаев закинул на ремень дорогой карабин – премию райисполкома за отличную работу, приказал товарищу:

– Постереги! – и с места бросил в галоп своего кровного туркменского скакуна.

Медленно надвигалось громадное овечье стадо. Тысячи тонких ног попирали землю, тысячи ртов сбрасывали траву. Слышались густые голоса баранов, высокие вскрики маток, жалобно-нежные возгласы ягнят. На границах стада за порядком следили деловитые собаки, сознающие меру своей ответственности.

Одним крылом стадо коснулось умирающего путника и спешенного пастуха. Подбежала и замерла сторожевая собака, принюхиваясь к чужому запаху. Несколько любопытных овец вытянули головы. К ним примкнули другие. Пастух выпрямился и крикнул. Собаки бросились восстанавливать нарушенный порядок. Пастух охватил за шею ближайшую матку, достал из-за пазухи алюминиевую чашку и принялся доить.

Послушная овца скосила горбоносую голову и глядела на человека добрым взглядом красивых глаз. С другого бока суетился шустрый ягненок. Пользуясь случаем, он толкался мордочкой и ловил длинный сосок. Матка щедро отдавала душистое молоко из полного вымени и своему ягненку и человеку.

Пастух тщетно пытался напоить бесчувственного человека, молоко напрасно проливалось. Тогда он поступил как с маленьким, потерявшим мать ягненком: опускал палец в молоко и смачивал им запекшиеся губы. Не открывая глаз, человек слабо глотнул.

– Будешь жить! – сказал пастух.

В обозе стада находилась радиотелефонная установка для связи с районным центром на время летнего похода.

– Случилось происшествие, товарищ Шарипов, – сообщал из степи бригадир Ишанбаев. – Нашел человека. Он пришел с гор. Лежит без сознания. Нужно спасать.

– Подержи его у себя, напои, накорми. Отправишь к нам с очередной связной машиной, – ответил тот. – А что он рассказывает?

– Что рассказывает? – вспыхнул Ишанбаев. – Он не рассказывает, а умирает! У Умара Ишанбаева не бывает напрасных слов, ты разве не знаешь? Он умирает! Его орел уже хотел клевать! Ты забыл разве, что было в горах? – горячился бригадир, увлеченный свойственным сильному человеку желанием немедленно действовать при виде чужого несчастья.

Шарипов не забыл о землетрясении. Бедствие разразилось в почти безлюдном районе, но один из горных кишлаков действительно исчез без следа. Не изменяя своему обычному спокойствию, Шарипов сказал тем же бесстрастным голосом:

– Будем быстро спасать, хорошо... Повтори, где ты находишься. Так... Место для посадки есть? Посылаю самолет.

IV

Районная больница находилась на окраине кишлака. В саду, обрамленном высокими тополями, доцветал урюк, на лозах винограда завязались грозди.

В палатах было свежо, просторно и тихо. Разносили завтрак. Главный врач в сопровождении дежурного врача делал обход больных. Найденный в степи путник вызывал особенное сочувствие. Вначале жизнь в истощенном теле едва теплилась. Но сильный, еще молодой организм – пострадавшему было лет тридцать – быстро оправлялся от перенесенных лишений. Вскоре незнакомец стал без посторонней помощи одеваться и передвигаться. Но с психикой его творилось что-то неладное. Больной молчал. Не было сомнений, что еще недавно он владел речью, так как не умел объясняться знаками и не был глух. Он слышал и понимал, но не отвечал.

В истории болезни он значился как житель погибшего во время катастрофы горного кишлака, пока – без имени.

Врачи и весь персонал больницы относились к несчастному с ласковой, бережной предупредительностью. Врачи надеялись, что уход, покой и время восстановят утраченную способность говорить. Следовало терпеливо ждать, когда нервная система найдет потерянное равновесие, и осторожно помогать больному. Медицине известен не один случай расстройства или даже полной потери речи у людей, пострадавших от стихийных бедствий. Главный врач говорил:

– Он вполне сознательно смотрит. Рефлексы почти в норме, он все понимает, он уже не возбужден. Никаких расспросов, никаких напоминаний о катастрофе. Покой. Испытаем его еще недели две, к тому времени он успеет восстановить физические силы. Потом посмотрим, быть может, прибегнем к специальному лечению.

Больной подолгу сидел в саду, медленно, понутив голову, точно глубоко задумавшись, бродил по затененным дорожкам. Заметили, что он подолгу глядел на воду, которая бежала по арыкам сада.

Через несколько дней главный врач разрешил больному гулять и за пределами больничной усадьбы. Он ходил по улицам, смотрел, слушал, о чем говорят люди, но молчал. Изредка с ним заговаривали посторонние, и он отвечал знаком, что нем.

Однажды один из колхозников повел немного в поле. Как хозяин колхозник показывал немому горцу обильные всходы хлопка, объяснял новинку – систему временных оросительных каналов, высвобождавшую дополнительную землю под посев... Добрый человек и сведущий сельский хозяин, он хотел вызвать интерес к жизни у того, кто, как считали, потерял всех

близких во время землетрясения. Разве не замечательно, что теперь умеют заставлять арыки ходить по полю, не отнимая у колхозников землю, как было прежде?

Потом они отправились взглянуть на новую машину для уборки хлопка. Кто бы мог подумать, что хлопок будут убирать машиной? Это чудо!

Добровольный «врач» был строгим критиком и не скрывал, что машина еще не так хороша, как должна быть. Он назвал ее «опытной». Ему хотелось втолковать немому гордую мысль о том, что в нашей стране люди решают невероятную задачу: убирать хлопок не руками, а машинами!

После этого дня в больнице заметили, что немой полюбил бродить по ближним полям. Никто не видел его улыбки, но он наблюдал за всем с таким нескрываемым вниманием, точно познавал жизнь впервые.

– Он поправляется, – с удовлетворением говорили врачи.

Прошли назначенные две недели, и главный врач сказал больному:

– Мы решили, что вам будет полезно показаться специалистам в городе. Они помогут вам восстановить способность речи. – Следя за выражением лица больного, главный врач продолжал: – Вы еще молоды, сильны, перед вами вся жизнь, и вы хотите жить, правда?

Больной опустил голову в знак согласия. Ободренный этим проявлением логического мышления, врач заключил:

– Вы поедете в город с нашим провожатым, который позаботится, чтобы вас поместили в специальную больницу. Вам будет там хорошо. Вы согласны ехать?

Немой опять утвердительно опустил голову.

Больному выдали одежду, обувь и пояс, в котором хранились советские деньги, что он достал в обмен на золото у менялы-сараффа перед тем, как уйти в горы.

В город ехали на автобусе. Путь продолжался весь день и всю ночь. Немой смотрел по сторонам не отрываясь. Утром его осмотрели в городской клинике нервных заболеваний и предложили явиться на следующий день для помещения в стационар.

Весь день немой и его провожатый осматривали расположенный в предгорьях город.

Вдали виднелись снежные вершины. Город был новый, он вырос за последние два десятилетия на месте старого кишлака. Его окружал пояс садов; на широких улицах лежала тень деревьев, в арыках щедро бежала вода. Немой так смотрел по сторонам и так слушал объяснения своего провожатого, что тот начал испытывать к нему настоящее дружеское чувство.

– Не горюй, – говорил провожатый, – голос тебе вернут. А в случае чего – и так дело найдешь.

Вечером, исполняя данные ему указания, провожатый повел немого в театр. Шла старая, построенная на преданиях народа, вечно живая пьеса, рассказывающая о правде, чести, любви, побеждающих злобу, измену и самую смерть.

Рано утром провожатый, уверившись в здравом рассудке немого, оставил его в саду клиники и простился, торопясь на отходящий автобус.

Немой выждал с полчаса, а потом отправился на вокзал и взял билет до города, расположенного в глубине страны, километрах в семистах к западу.

Ибадулла свободно владел речью и не затруднился назвать кассиру нужную станцию.

Дорога уходила через предгорья. Рельсы были проложены по путям движения древних племен, на родину Ибадуллы.

Глава третья. Священный город

I

Ибадулла последним спустился по ступенькам вагона, пробрался через толпу и отошел в сторону. Он на родине, его ноги наконец-то на родной земле!

Была вторая половина дня, солнце висело еще высоко. На станционных путях тянулись длинные вереницы вагонов. Гудки, лязг буферов, людские голоса то сливались в общий гул, то слышались раздельно. Из высоких кирпичных и металлических труб и из труб паровозов поднимались дымки, смешивались и рассеивались, затягивая безоблачное небо желтовато-серой дымкой.

Ибадулла наудачу пошел вдоль перрона. Вскоре каменная платформа кончилась. Вдаль, уменьшаясь и сужаясь, уходила аллея из столбов с толстыми нитями проводов и сходящихся тускло-серебряных полос рельсов. Там лежала уже пустыня, буро-желтая, туманная под жаром солнца.

Где же город?..

Толпа уже разошлась. Ибадулла нашел выход и оказался на площади.

Всю дорогу он просидел скромно в углу вагона, не произнося почти ни слова. Спал урывками, но усталости не чувствовал. Сейчас он стоял на площади с тем же невозмутимым видом, с каким сидел в вагоне. Каждый сказал бы, взглянув на Ибадуллу, что этот человек никуда не торопится, свободно располагает временем и еще не решил, куда пойти: вправо или влево. На самом же деле Ибадулла был растерян и потрясен. Где же город, его город?

Уже давно в его сознании жило точное представление о внешности города, которого он не видел, но который хорошо знал. Здесь же не было ничего, что могло бы связать зримую действительность с образом, созданным силой воображения.

Ибадулла пошел по широкой улице. Дома с окнами по фасадам, высокие деревья, прозрачные решетки оград... Ничего, что бы напоминало тот город! Он шел дальше. Его вело ощущение, знакомое каждому заблудившемуся человеку: еще немного, и он выйдет на знакомое место. Но знакомых мест не было.

На проволоке телеграфных столбов и на ветках деревьев висели паутинки – волокна хлопка. Где-то поблизости занимаются очисткой хлопка от семян.

Потянулась нескончаемая оштукатуренная и побеленная стена.

Над ней виднелись крыши заводских корпусов и длинные, белые как сахар горы хлопка. Как много его! Началось лето, через четыре месяца созреет новый хлопок. Как видно, на родине в прошлом году собрали хороший урожай...

Кончилась стена, и город сразу оборвался. Ибадулла повернул обратно и вновь пришел на вокзальную площадь. Наверное, его город лежит в другой стороне.

Ибадулла бродил и бродил по широким улицам. Прошел час, может быть, два... Везде дома с большими окнами, много воды в арыках, тенистые ряды сильных тополей, акаций, карагачей. Бессознательно описываемая кривая вывела его опять к вокзалу. Ибадулла сел на скамью. Или он вышел из вагона не на той станции?

На площади былолюдно. Проезжали автомобили, останавливались большие красно-желтые и синие автобусы, забирали пассажиров и отправлялись куда-то. Вдруг на одном автобусе Ибадулла прочел три слова: «Хакан – Старый Аллакенд».

Ибадулла встал. Конечно, – отец же рассказывал! – проведенная русскими железная дорога между Самаркандом и Ашхабадом прошла в двух часах ходьбы от Аллакенда. Отец

говорил, что около станции был ничтожный поселок из глиняных мазанок. Это он стал теперь большим городом! Не пойти ли в Аллакенд пешком? Нет, через два часа настанет ночь.

Ибадулла направился к автобусу с надписью, но машина тронулась раньше, чем он успел подойти к ней. Не зная, что делать, он остановился. Сзади кто-то сказал:

– Пойдем на аллакендский поезд, он скоро отправляется!

– Пошли, – ответил другой.

Ибадулла обернулся – двое мужчин шли к вокзалу. Он догнал их у кассы, купил билет и, не упуская из виду невольных проводников, сел в поезд. Через полчаса он вышел на маленьком вокзале. Вдали, над вершинами деревьев, поднимались высокие купола и закругленные головы минаретов.

II

Со времени последнего весеннего дождя минуло больше трех недель. Теперь до поздней осени с безупречно чистого неба больше не упадет ни одной капли.

Поднималась едва заметная пыль. Ибадулла видел, как в неподвижном воздухе за идущими людьми оставались длинные, низкие облачка, золотистые и прозрачные в солнечных лучах. Мельчайшие чешуйки земли порхали, как видимая часть воздуха, и медленно, неохотно оседали вниз.

Лето стояло уже в полной силе. Жгучие косые лучи солнца били в лицо, заставляли щурить глаза. Узкая дорога казалась бесконечной среди стен и домов предместья.

Ибадулла медленно ступал по истертым плитам старинного тротуара. В щелях между квадратами обожженного кирпича кишели муравьи, занятые бесконечным и безнадежным восстановлением постоянно осыпающихся тоннелей в свои подземные городки.

Ибадулла устал. Дойдя до поворота, он остановился в тени за выступом глиняной стены. Сверху нависали ветки, густо осыпанные еще зеленым, но уже крупным уроком, первым по времени созревания сладким плодом родной земли.

Предмесье кончилось. Скоро город. Пусть будет то, что будет...

Ибадулла опустил голову и, точно в первый раз, заметил свои сапоги, растоптанные, разбитые. Пыль въелась в баранью кожу и казалась такой же естественной, как покров сожженной солнцем земли. Наверное, и халат имел не лучший вид. Одежда нищего? В этом не было стыда...

Ибадулла вышел за угол. Уже город? Нет еще. На расстоянии четверти часа ходьбы стояла городская стена, построенная из глинистого грунта. Выбитые зубцы, осыпающиеся боевые башни – бурджи, глубокие, почти до самого основания, бреши. Стена крепости Кала была изувечена временем, а не таранами и пушками завоевателей.

Прямо перед Ибадуллой, за дорогой, вздымалась голая и неровная насыпь пухлой солончаковой почвы, бесплодная, без единой травинки, без единого кустика. В ней виднелись белые куски, точно обломки гипса или извести.

Ибадулла взобрался на насыпь и оказался на длинной и широкой возвышенности, изрытой ямами и забросанной обломками кирпича и костей.

Каждый древний город окружается кладбищами. Но Ибадулла знал и другую особую причину обилия кладбищ за стенами Аллакенда. Тысячу лет город считался в мире ислама священным, и верующие мусульмане стремились получить погребение в его земле. Издалека старики и больные приезжали в Аллакенд и терпеливо ждали в нем смерти. Кладбище из года в год поднималось все выше. Ибадулла вспомнил, что путь между Хаканом и Аллакендом так и звался прежде – Дорога Смерти.

Старый могильник истлел. Не было видно ни одного туга – шеста с изображением раскрытой человеческой ладони наверху, – чтобы привлечь мысли и молитву прохожего. Не было

видно ни одного почитаемого мазара – склепа, святого – гази или имама – учителя ислама. И нигде ни одного человека. Да, люди не ходили сюда...

Охваченный созерцанием, Ибадулла чувствовал себя человеком, который пришел, чтобы поклониться могилам предков. Те, кто дал жизнь его дедам и прадедам, были и здесь, безразлично смешанные с прахом тысяч и тысяч. Пыль, забвение, покой...

III

Несколько дальше возвышалось одно из величественных древних сооружений, которыми всегда славилась Аллакенд и его окрестности.

Поднимая тонкую пыль рыхлой земли могильника, Ибадулла спустился вниз. Пришлось обойти поле, залитое водой для орошения. Вот и хонако, как назывались мечети дервишей.

Ибадулла хорошо понимал смысл архитектурных линий здания. Каменная громада портала означала Ворота Вечности. Не случайной была и форма стрельчатой арки, прорезавшей портал. Грандиозный свод, суженный книзу, расширялся вверх и заканчивался стрелой. Рисунок, полный традиционного смысла: ноги, широкие плечи и острый шлем на голове. Абрис гиганта-воина. Ислам учит: вечная жизнь открыта бойцу за Коран. Прямая линия верха портала символизировала жизнь праведника, мудреца – учителя культа. «Почему не жизнь народного героя, о котором не забывают предание и песнь?» – подумал Ибадулла.

За порталом возвышался широкий сферический купол – знак седьмого неба или достигнутой мечты.

Еще не вся чешуя прекраснейшей древней мозаики осыпалась с портала. Сохранились пятна, глубинно-синие, как Аравийское море или как горное бездонное озеро, нежно-голубые, как полуденное небо, бирюзовые, как лист весеннего тюльпана. На темени синего купола лежала лохматая шапка из ветвей – гнездо неприкосновенного аиста, птицы мира, благоденствия и тихого семейного счастья...

Здесь все было многозначительно. Но великолепное здание явно покинуто, и сознание Ибадуллы остро воспринимало эту заброшенность ненужного людям места. И все же своими мощными формами портал хонако вопреки времени и окружающему его запустению утверждал:

– Я существую!

А в нескольких сотнях шагов от мечети-хонако за низкой оградой высились многочисленные здания какого-то крупного завода.

Ибадулла присел в тени портала. В тишине он слышал только один звук – страстное воркование невидимой горлинки.

Тишину разорвала заводская сирена, означая конец смены. Ибадулла встал и заметил мраморную доску, прикрепленную к стене. Надпись на ней была составлена на двух языках: узбекском и русском, и, называя год сооружения и имя строителя, предупреждала, что хонако, как памятник народной архитектуры, находится под охраной правительства республики. Паспорт и охранный лист... Только сейчас Ибадулла обратил внимание на чистоту вокруг хонако. Входы во внутренние помещения были тщательно замурованы. Было ясно, что это здание хотели сохранить...

Вдруг Ибадулла услышал звук шагов. Так все же здесь бывают люди?..

Появился человек в белом костюме, желтых ботинках, в черной узбекской тубетейке, расшитой белыми разводами. Судя по чертам лица, он был узбеком. Остановившись шагах в десяти от Ибадуллы, рослый и, видимо, сильный человек разглядывал его с непринужденностью, которая была непристойной по понятиям путника. Следовало произнести традиционное слово приветия, но человек молча прошел мимо и опять задержался, на этот раз спиной к Иба-

дулле. Он чего-то ждал. Потом прошел мимо и исчез за углом. Ибадулла вскоре забыл об этом прохожем.

Осматривая здание, он обогнул восточный фасад, и тут перед ним открылась странная, неожиданная картина разрушения. Из десяти или двенадцати колонн чудовищной толщины, образующих перекрытую сводом галерею, только две или три стояли прямо. Остальные покосились наружу, и свод над ними разрушился.

Ибадулле приходилось слышать о том, что после установления советской власти многие старые, освященные временем здания стали разрушаться, и он с особенным вниманием осмотрел покосившиеся колонны. Быть может, фундаменты подмыло водой? Нет, квадратные цоколи колонн из тесаного камня стояли вертикально. Это сами колонны были подрублены почти наполовину своей толщины! Работала чья-то рука. Зачем? Кто-то сознательно покушался на хонако. Но ведь не та власть, которая взяла его под охрану! Такие раны наносят втихомолку, исподтишка...

Осматривая одну колонну за другой, Ибадулла дошел до крайней, нетронутой. Его внимание привлекла надпись, начертанная мягким графитным карандашом, свежая, четкая, быть может вчерашняя или сегодняшняя. Она сказала путнику привет в трех строках витых арабских букв:

Пришедший издалека, тебя ждут.
Иди смело, ты посол друзей.
Путь известен. Для тебя он безопасен и прям.

Надпись находилась на уровне глаз Ибадуллы. Чистый слог напоминал стихи Корана. Ибадулла внимательно осмотрел поверхность колонны. На другой стороне и ниже он нашел карандашные черточки: пять рядов по пять черточек в каждом, всего двадцать пять.

Под рубахой на груди Ибадуллы висел маленький кожаный, тщательно зашитый мешочек. В нем прятался свернутый в трубочку листок пергамента, наследие деда и отца. Быть может, сто лет тому назад писец-каллиграф без единой ошибки изобразил на мягком, почти прозрачном лепестке кожи такими же буквами, как надпись на этой колонне, слова священного талисмана:

Во имя бога милостивого и милосердного
скажи: я ищу прибежища у господи дневного рассвета,
от злобы сотворенных им существ,
от вреда застигающей нас темной ночи,
от злобы дующих на узлы,
от зла-завистника, ненавидящего нас.
Во имя бога милостивого и милосердного
скажи: я ищу прибежища у господина людей,
царя людей, бога людей,
от зла тайно внушающих нам злые мысли,
от вдувающих зло в сердца людей,
от враждебных джиннов и злых людей.

Этот талисман в точности воспроизводил две последние главы Корана. Его назначением было оградить верующего от зла. И только... Ибадулла вглядывался в надпись на колонне. Место, заполненное извилистыми значками и точками, обозначавшими чью-то темную, полную загадочного значения мысль, чем-то отличалось. Похоже, что здесь уже не раз писали и стирали написанное.

Вдруг Ибадулла нахмурился. Он вспомнил, что такие двадцать пять черточек были паролем тайной исламистской организации. Помещенная рядом с ними надпись должна иметь свой, но непонятный ему смысл. И неприятный прохожий, и чья-то злоба, подрубившая колонны, и темный смысл надписи слились в один образ... Ибадулла поднял темно-коричневую от загара и дорожной грязи руку и стер жесткой ладонью надпись и черточки.

Солнце уже село. Ибадулла обошел мечеть-хонако и двинулся к городской стене, пересекая кладбище.

IV

С каждой секундой небо синело все глубже, темнота падала на город с южной стремительностью. Запад угасал. Там, где недавно еще было солнце, ему вослед уже спешила вечерняя звезда, которой привык клясться старый Восток. День уходил в ночь, как клинок меча, исчезающий в черных ножнах.

Городская стена зияла темными провалами, густые тени кутали кладбище. От полуразрушенного сводика согоны – могильного холмика – метнулось какое-то животное, пронзая тишину визгом и хохотом. От неожиданности Ибадулла вздрогнул и остановился. Отвратительный лай шакала смолк в отдалении. Путник ступил в глубокий ковер пыли под городской стеной.

Он прошел по мосту через широкий арык и вскоре оказался на каменном тротуаре улицы, которая вела в город от ныне исчезнувших ворот в стене. Сбоку бежала вода в арыке. Казалось, что это от нее поднимается прохлада.

Быстро холодало – сухой воздух не препятствовал нагретой земле отдавать накопленное за день тепло. Невидимыми волнами тепло мчалось вверх, в холодное небо.

Ибадулла был одет в короткий, едва по колено, стеганный халат из алачи, подбитый отборной ватой. Красные, синие и зеленые полосы на бумажной ткани уже выцвели и потускнели от пыли и грязи. Как и земля, тело человека быстро отдавало тепло. Ибадулла зябко стянул халат на груди.

Он очень устал. Усталость смирля волнение и заставляла желать простого покоя и сна. Найдет ли он нужную ему дверь, и откроется ли она перед ним? Кто встретит его там?

Чтобы найти дорогу, Ибадулла остановил случайного прохожего и расспросил его.

V

Улица поднималась к центру города. Подъем был бы замечен и менее усталому человеку, чем Ибадулла.

Больше тысячи лет Аллакэнд строился и перестраивался на одном и том же месте. Фундаменты первых домов покрыла толща городских отложений в десять человеческих ростов. Она засосала целые сооружения, ныне в ней находят засыпанные здания и хорошо сохранившиеся храмы древних культов.

За пределами города и его предместий вода текла в мелких ложах оросительных каналов – арыков. А здесь, ближе к центру, вода оказывалась все ниже, струилась где-то очень глубоко, среди отвесных каменных стен, носящих следы последовательного наращивания. Она текла там, где тысячелетие тому назад стояли дома на ровной плоскости еще не превратившегося в холм оазиса.

Через узкую черную щель с невидимой на дне водой были перекинута к саду частые мостики. Там, под деревьями, стояли длинные помосты, покрытые коврами.

Вокруг электрических ламп вились рои ночных насекомых. На коврах, поджав скрещенные ноги, сидели люди. Около них стояли чайники и лежали вкусные пшеничные лепешки.

Пленительно пахло пловом. Только десяток шагов сделать в сторону... Зеленый чай легко и незаметно освобождает человека от гнета утомления, пусть копившегося не один день и даже не одну неделю... Это было настоящее искушение. Ничего не нужно говорить, чайханщик сам принесет чайник и пиалу, а если молвить два слова, то появится и вкусный рис с пахучими кусками нежного бараньего мяса. В цветном платке, которым был подпоясан Ибадулла, нашлись бы еще деньги, но он сдержался и пошел дальше.

Сад сменился высокой стеной двухэтажного медресе. Массив из тонких кирпичей, старинной формы с такими же, как кирпичи, швами строительного раствора казался шершавым даже в ночной темноте. В нескольких местах из маленьких прямоугольников окон вырывался электрический свет. Внизу устроилась парикмахерская. Ибадулла видел, что духовное училище перестало служить местом воспитания будущих мулл; в его кельях-худжрах больше не жили имамы, учителя ислама, и их послушные талоба – ученики.

Все многолюднее становилось на главной улице города. Его население отдыхало, пользуясь ночной прохладой. И вместе с Ибадуллой и навстречу ему двигались люди, они занимали всю улицу от одной стены до другой. Медленно и осторожно в толпе пробирались редкие автомобили. Уличные фонари освещали много лиц, и загорелых дочерна, и светлых, халаты и европейские костюмы, непокрытые головы, чалмы, тюбетейки...

За бывшим медресе поднималось высокое здание мечети. Ибадулла подошел к широко открытым дверям. В ярко освещенном обширном зале за столами сидели самые разные люди, занятые чтением газет, книг и журналов. Радио передавало музыку. Ибадулла пошел дальше.

Все плотнее становилась уличная толпа. Опять за решеткой показались деревья, под ними теснился народ. Ибадулла протолкался вперед и оказался перед старым хаузом – водоемом глубиной в четыре или пять человеческих ростов, длиной шагов в девяносто, а шириной, может быть, в шестьдесят.

Сверху и до дна колоссальной ямы гигантскими ступенями спускалась каменная облицовка. В старину да и в самом недавнем прошлом в таких открытых громадных водоемах город хранил запасы воды. В стоячей гнилой воде и в жидком иле дна хаузов водились мельчайшие насекомые, а в их телах гнездились личинки страшной ришты.

Тонкий, как волос, червь-паразит переселялся под кожу человека, вырастал там в громадных нарывах. Это была одна из самых распространенных в священном Аллакенде болезней. Лечение – многодневная, мучительная операция. Червя вытаскивали постепенно, наматывая его на палочку. От оператора требовалось большое терпение. Если ришта разрывалась, то на месте одного нарыва появлялось несколько, и нужно было вновь ждать, чтобы черви созрели.

Теперь водоем стал ненужным. Его осушили. Дно было твердое, ровное, как стол. Над хаузом висели яркие электрические фонари, они освещали сетку и две группы девушек в белых костюмах. Из разговоров окружающих Ибадулла понял, что команда города и гости оспаривали на спортивном поле приз имени Республики в волейбол.

На краю хауза росла трехсотлетняя шелковица. В одном месте ее корни вытолкнули каменную ступень. Ствол поднимался толстой бочкой и на высоте трех человеческих ростов делился надвое. Одна мощная ветвь засохла. Выставившись над хаузом, она, как рука, держала гнездо аистов.

Разбуженные ночным шумом высокие черно-белые птицы стояли на гнезде. Они поворачивали длинноносые головы вниз то одним, то другим глазом и следили за ходом состязания, не пугаясь свистков судьи и криков людей.

Ибадулла пробился назад и пошел по улице не спеша, заложив за спину руки. Он знал, что уже близок к цели, и волновался.

VI

Худое лицо Ибадуллы с правильными резкими чертами было обрамлено черной клочковатой бородой. На подбородке она торчала вперед, а к ушам поднималась узкими полосами по краям нижней челюсти. С темного лица смотрели карие глаза с золотыми искорками на радужной оболочке. Их взгляд был прям и смел. Порой в нем возникало что-то настойчивое и вместе с тем быстрое. Тогда взгляд делался острым, как лезвие ножа, проникающего в мякоть спелой дыни.

Синее полотнище чалмы из дешевой крашенной индиго маты было так умело замотано вокруг головы, что сливалось с тюбетейкой. Чалму можно было снимать, как шапку. На давно не бритой голове отрасли черные волосы.

И внешностью и одеждой Ибадулла походил на многих жителей города, но все же чем-то он выделялся, какой-то трудноопределимой суммой внешних проявлений личности. Ведь никто не мог знать, что в складке чалмы путника таился забытый им самим кесек – традиционный для мусульманина кусочек земли. И никто не мог узнать о спрятанном в сознании Ибадуллы его прошлом и о том, что привело его в священный город.

Внезапно улица скрылась под сложными кирпичными сводами, будто уйдя под портал грандиозного здания. Но это особенное сооружение лишь перекрывало перекресток двух улиц. Его возвели много столетий тому назад, чтобы дать тень прохожим и место торговцам. По рассказам отца Ибадулла знал, что когда-то здесь, в темных нишах-лавках, сидели неподвижные, молчаливые люди с ящиками, полными любых денег. Менялы-банкиры торговали деньгами со всем миром. По векселю банкира-сараффа можно было получить любую сумму денег в Бомбее, Калькутте, Тегеране, Стамбуле, Пекине, Бангкоке, Каире и даже в далеких Феце или Тимбуку. По имени менял купол звался Сараффон – имя, сохранившееся до настоящего дня.

Отойдя в сторону, Ибадулла остановился у стены с видом человека, который явился сюда для условленной с кем-то встречи, и только. Однако он заметил, что за ним следят.

Еще до того, как войти под купол, Ибадулла обратил внимание на двух людей, шедших навстречу. Если теперь он видит их здесь, значит они повернули и пошли за ним по пятам... Зачем? Чего они хотят?

Он искоса поглядывал на незнакомцев. Таких людей Ибадулла привык называть инглези, если это были англичане или американцы, и фаренги, если это были европейцы других национальностей.

То были фаренги. Они тоже остановились шагах в десяти. Один улыбался и что-то говорил другому, молодому человеку лет двадцати пяти. Это русские. Они заинтересовались им и не скрывают своего любопытства.

Нужно выждать. С детства Ибадулле внушали, что судьба каждого человека предопределена от рождения и до последнего дыхания. Если это правда, то встреча с незнакомыми русскими, быть может недобрая, была предначертана, как и все другое.

VII

«Судьба или воля человека, предначертание или убеждение в своей правоте – что же решает, что перевешивает в ту или иную сторону, когда действие человека зависит от его чувств?» – спрашивал себя Ибадулла, глядя вслед уходящим русским.

Не чувствуя себя более связанным, путник не стал ждать. Он повернул налево, от купола Сараффон и через несколько десятков шагов оказался в темноте и одиночестве. Весь свет и все оживление остались на главной улице. Контраст был разителен.

Как во всех древних городах, имеющих длинную историю, так и здесь внезапно происходила эта перемена обстановки. Несколько шагов уводили в другую эпоху, на столетия в прошлое.

Ибадулла заторопился. Он минул два переулочка и свернул в третий. Глухие стены домов высились по сторонам, и проулок был таким узким, что казалось, можно достать руками сразу до двух противоположных стен. Как тени, мимо ног человека метнулись занятые своими делами молчаливые собаки.

В темноте на выбеленных стенах с трудом различались пятна дверей и ворот. Память Ибадуллы цепко хранила рассказы отца. Ибадулла считал двери и ворота; чтобы не ошибиться, он шепотом повторял счет. Наконец он остановился. Ладони нащупали сухое резное дерево и холодные шляпки громадных кованых гвоздей. Рука нашла тяжелое кольцо, подняла его, уронила. Медь кольца ударила о металл подкладки. Звук утонул где-то в глубине дома или в толстом дереве двери.

Ибадулла приложил ухо к доскам. Ничего не было слышно. Не ударить ли вторично?

Нет... Где-то уже шаркают медленные шаги. В щели блеснул луч света. Но оклика из-за двери не было.

Ибадулла слышал, как по внутренней стороне двери шарят руки. Звякнула и закачалась в петле полоса железного засова. Сердце Ибадуллы сжалось. Что будет?..

Дверь открылась, и на лицо путника упал яркий свет ручного электрического фонаря. Он закрыл от Ибадуллы того, кто стоял перед ним. И путник сказал кому-то державшему фонарь:

– Мир тебе.

– Тебе мир, – был негромкий ответ, произнесенный спокойным старческим голосом. В голосе был вопрос. Ибадулла произнес:

– Не ты ли хозяин дома, Мослим-Адель? Я пришел к тебе. Я – сын Рахметуллы, Ибадулла...

Луч света дрогнул и упал на порог. Хозяин отступил, давая дорогу гостю. Молча, приложив ладонь к левой стороне груди, старый человек поклонился пришельцу и жестом пригласил его следовать за собой.

Из внутреннего двора по извилистой лестнице они поднялись на второй этаж и оказались на открытой веранде. За ней была освещенная комната. Они вошли, и хозяин вновь поклонился гостю, жестом указывая ему место.

Ибадулла опустился на ковер. У него больше не оставалось сил, и он боялся, что может упасть.

Глава четвертая. Прошлое и настоящее

I

– Эмир Сеид-Алим-Хан умер в изгнании. Люди, ушедшие с ним, умерли или состарились. Они, их дети и дети их детей лишены родины. Это истина, Мослим-Адель.

Таковыми словами начал Ибадулла беседу с хозяином на следующее утро.

Мослим помедлил с ответом. В серьезном деле нельзя торопиться, а поспешность в высказывании своих мыслей – неуважение к собеседнику...

Старик Держал в руке маленькую, похожую на грушу, тыкву. Ее желтая поверхность гладко зашлифовалась от времени, из узкого конца выдавалась деревянная пробочка с черной ременной кисточкой. Мослим вытащил пробку, насыпал на ладонь чуть-чуть буро-зеленого порошка табака и стряхнул его себе в рот под язык. Потом сказал гостю:

– Это истина... Но ты шел по земле родины, и вот ты в городе твоих отцов, где увидел свет и где твои ноги сделали первые шаги.

В словах Мослима не было скрытого смысла. Видимо, он хотел только слушать гостя. Он молчал и смотрел на Ибадуллу спокойным взглядом темных глаз в морщинистых веках.

– Да, я прошел через горы и шел дальше, – сказал Ибадулла. – Я заблудился в ущельях, умирал от жажды и голода. Меня нашли. О чудо, со мной, чужим, поступали так, как не всегда братья поступают с братом! Не зная, что сказать им, я молчал. Для них я был немым, но я слушал. Я видел, как живут люди в том кишлаке, где больница, я видел город. Люди показались мне счастливыми, и они добры. Я не сказал слов благословения тем, кто заботился обо мне с любовью, не желая платы... В сердце я храню благодарность как священный долг. Но моя душа тоскует...

Ибадулла остановился, сжал руки, сосредоточился. После паузы, не нарушенной Мослимом, он продолжал:

– Там, за горами, я слышал разные слова о родине. Много дурного и злого, но и хорошее также. Мое ничтожное наследство – воспоминания несмышленого ребенка и рассказы отца. Он любил родину и учил меня. И я решил. Я говорю правду, нехорошо для человека только слышать о родине, которую он не знает. В родном городе я видел вчера разрушающиеся стены крепости, толпы людей на улицах и забытые народом мечети. Чем живет народ? Что знает он и что помнит? До сих пор, Мослим, я слушал, но молчал. Душа моя открыта перед тобой. И с кем мне еще говорить? Ты помнишь моего отца, и ты принял в свой дом его сына...

Без нарочитости, но внимательно наблюдал Мослим за Ибадуллой. Чтобы понять человека, нужно не только слышать его слова. Часто главное читается в движении рук, в интонации голоса, в выражении глаз и рта. Старик отвечал медленно, наблюдая, как действуют его слова:

– Мне было тридцать пять лет, Ибадулла, когда бежал эмир. Тогда я был твоего возраста. И я, оставшийся на родине, не лишенный ее неба и воздуха, помню и знаю больше, чем ты.

Глубокие морщины рассекали лицо Мослима. Он погладил обеими руками свою желтовато-белую бороду и продолжал:

– Я помню день, когда брат твоего отца, мой отец и несколько их друзей были зарезаны палачами по приказу эмира. Эта смерть навечно соединила их для меня... Ты можешь посетить подземную тюрьму – зиндан. Теперь он пуст, его ходят осматривать те, кто не видел прошлого. Сторож покажет тебе место, где пролилась родная кровь. В дни моей молодости на нашей родине лилось слишком много крови и слез, Ибадулла.

– Пусть это было так, – последовал поспешный и горячий ответ. – Прошлое есть прошлое, но мы, Мослим, живем сегодня и будем жить завтра. Правда, что дни рождаются из дней, а

настоящее происходит из прошлого. Но почему ты напоминаешь мне о смерти? Я пришел для жизни.

Мослим улыбнулся. Его лицо смягчилось, голос зазвучал теплее:

– Да, ты похож на отца, теперь я вижу. Среди многих людей я сумел бы узнать – вот, вот он, сын Рахметуллы. Я любил его. Мы спорили перед его отъездом, я едва не последовал за ним. Тогда я колебался... Твой отец был сильным мужчиной. А твоя мать... я не видал ее лица, но моя жена называла ее красавицей. Увы, красота лица гаснет и не возвращается.

Улыбка исчезла с лица Мослима, и он продолжал:

– Так же не возвращается и прошлое, Ибадулла. Роковая ошибка некоторых людей скрывается в мысли о возможности вернуть прошлое. Эта ошибка приводит к разрушению и к смерти. Может быть, и ты не сразу поймешь это. Послушай, сын друга, я видел необходимые перемены в жизни нашего народа, оценивал их, познавал их благо. Ты говоришь, спасшие тебя люди добры? А знаешь ли ты, почему они добры и почему они не могут быть злыми?

– Нет, – ответил Ибадулла.

– Да, ты еще не можешь понять, – согласился Мослим, – и трудно объяснить это в нескольких словах. Но помни, наши люди добры потому, что они свободны и сильны. При эмирах были бесправие, насилие и войны. Поэтому люди были слабы и злы. Теперь родина живет в мире. Кому может не нравиться мир? Я всю жизнь до недавнего времени учил детей и юношей добрым наставлениям правды. Мой сын и моя дочь учат их тому же и сегодня. У меня много внуков. Но у тебя нет детей, Ибадулла?

Ибадулла сидел на сложенном вдвое ватном одеяле, удобно скрестив ноги и опираясь локтем на подушку в пестрой наволочке. Остро поведя желтоватыми белками глаз, он резко ответил на неожиданный вопрос:

– Почему ты спрашиваешь об этом, почему напоминаешь? Хотя... ты не знаешь. Были. Их унесла оспа. Так суждено.

Мослим покачал головой и мягко промолвил:

– Сожалею, Ибадулла, сожалею... И мне знакомо жгучее горе отца. Но из моих внуков ни одного не убила оспа. В нашем городе давно нет оспы. И заботятся об этом наши врачи, а не судьба. Но ты еще молод, горе проходит, ты успеешь вновь познать счастье отцовства. Дети освежают взор человека, – привел Мослим народную поговорку. – Теперь же скажи мне, правда ли, что эмир Сеид-Алим-Хан после войны и незадолго до своей смерти просил разрешения республики вернуться к нам?

– Да, – ответил Ибадулла, – близкие к нему люди передавали, что он почувствовал приближение смерти и хотел быть похороненным в священной земле на родине.

– Не всегда человек предчувствует приближение конца, – возразил Мослим. – Только ли умереть на родине хотел эмир? Ты действительно веришь, что у него не было других мыслей?

– Я не был приближенным эмира, он не советовался со мной, – безразлично ответил Ибадулла. – Говорят, ему сообщили, что не нуждаются в нем, и не позволили вернуться. Он умер.

– Не каждый человек искренен даже перед лицом смерти. Некоторые умеют лгать до последнего вздоха, – сурово заметил Мослим. – Я знал эмира, он был жесток и лжив. Верю, он хотел вернуться, но зачем? Я никогда не поверю, что он томился тоской по родине. Не родину он любил, а другое... На сотне верблюдов он увез в изгнание драгоценные камни и золото. Разве он не перевел заранее много миллионов за границу и не держал всю жизнь награбленные им здесь громадные капиталы в индийских и английских банках! Он был отвратительно жаден. Богач, он не стыдился принимать денежную помощь от афганского падишаха – двенадцать тысяч рупий в месяц... А! Кто бы мог поверить, что он полюбил родину в изгнании? Он не имел родины. Я хорошо помню Сеид-Алима. Больше всего на свете он любил деньги и остатки власти, которую ему когда-то сохранили русские.

– Зато теперь русские имеют всю власть на нашей родине! – воскликнул Ибадулла. – Тебя зовут Мослим-Адель – Мослим-Справедливый! Скажи, разве я говорю неправду?

Глядя в помрачневшее лицо гостя, Мослим отрицательно покачал головой. Он искал взглядом темно-карие глаза собеседника. Найдя их, заговорил:

– Было время, когда я думал так же: до революции, когда я не знал жизни и мой разум был темен. Я говорил себе: русские стесняют и ограничивают власть эмира в свою пользу. И был не прав. Русские прекратили войны, которые вел эмир со своими соседями. Одно это было уже благодеянием. И мы стали многому учиться у русских. Прежние русские сами не были свободными. Но когда они свергли своего царя и уничтожили власть богатых, к нам пришла завоеванная русскими свобода и сделалась нашей свободой!

Мослим вытянул руки к Ибадулле и с силой продолжал:

– Тех русских, о которых ты думаешь и говоришь, нет больше. Это прошлое! Есть новые русские. Мы живем с ними рядом, они наши братья. Ибадулла! Ты не знаешь этого, и ты не виноват. Ты жил за высокими горами, и они заслонили от тебя родину.

Ибадулла уронил голову на грудь и закрыл глаза. Он не чувствовал себя виновным, но тяжесть лежала на его сердце. Как понять Мослима?..

– Кто хочет жить, мыслить и трудиться, – продолжал между тем старик, – тот нуждается в мире. Труд приносит покой душе. Но разве мирная жизнь нравится тем, кто ищет угнетения других людей, кто говорит, что одни люди хуже других, если у них не такой цвет кожи и другой язык? Нет, сын Рахметуллы, нет! Угнетатели не имеют родины ни на равнинах, ни в горах.

– Горы качались и падали, Мослим, когда я спускался с них, – сдавленным голосом ответил Ибадулла.

– Горы рассыпаются, но дела людей остаются. Они могут оказаться крепче гор, Ибадулла.

Случайно рука Ибадуллы встретила под халатом рукоятку ножа, форма которого не менялась столетиями. Талисман на груди и клинок отличной гиссарской стали были всем, что оставалось от наследства... Ибадулла чуть слышно прошептал:

– Ты стал суров, Мослим-Справедливый, и гнев звучит в твоём голосе. Итак, все и навсегда изменилось? Если не верить тебе, то кому еще могу я поверить? Твоими устами со мной говорит родина, но я плохо понимаю ее язык.

– Но разве ты знал его, сын друга? Разве ты слышал его раньше? Во мне нет гнева, истина сурова, но не зла.

– Я стремлюсь к ней.

– Тогда время принесет тебе познание. Но скажи мне теперь, свободен ли ты от помыслов злобных безумцев, мечтающих поднять меч ислама против твоей родины?

– Я пришел на родину, и мое сердце томится по любви, а не по злобе...

Мослим взял руки гостя в свои руки и сказал:

– Ты мой гость, и ты путник по родной земле. Живи, ищи, и ты найдешь утоление жажды сердца.

II

Ибадулла прошел базар и остановился у подножия башни Калян, главного и великого минарета священного города Аллакенда.

Круглая, сужающаяся вверх башня была сооружена в пятьсот двадцать втором году хиджры [Хиджра – бегство Магомета из Мекки в Медину в 622 году нашей эры – начало мусульманского летосчисления]. С тех пор прошло восемь с четвертью столетий. Отец рассказывал сыну о всех деталях замечательного сооружения, описывал цвет кирпича, разнообразие

узорных поясов кладки. Ибадулле показалось, что он уже бывал здесь. Глядя вверх, он видел, как минарет уносится в небо, и сразу навсегда полюбил его.

Потрясенный новым миром идей, завесу перед которым отдернул Мослим, Ибадулла уже давно бродил по городу. Вначале, точно ослепнув и оглохнув, он так ушел в себя, что не видел лиц и не слышал голосов. Он очнулся только у мавзолея Исмаила Самани и долго сидел на прохладном камне ступени.

Вход внутрь закрывала решетка. Гробница основателя первой династии мусульманских владык Аллакенда белела в углу, чистая, нетронутая.

Мавзолей стоял на мощенном плитами дворе. С течением времени земля поднялась вокруг, а двор ушел вниз. Если пустить воду, то мавзолей сделается островком в прямоугольном озере. Перед мавзолеем небольшой кусочек земли не имел плит, и на нем росло несколько деревьев. Ибадулла вспомнил рассказ отца о засыпанном ходе под мавзолеем. Так же как гробница, этот ход был не тронут.

Прежде первый Саманид почитался святым, но сегодня никто не приходил поклониться его могиле. И путник не нашел слов молитвы. Он думал о другом. Он вспоминал, что есть в городе один человек, ученый и мудрый. Разные слухи ходили о нем и проникали через границу, но никто не отрицал глубины его познаний. Что скажет он ищущему родину?

Пришел уборщик, надзиравший за мавзолеем. Республика заботилась о памятниках старины. Вслед за уборщиком Ибадулла вошел внутрь, приблизился к гробнице. А вот и отверстие в ней. Отец говорил с осуждением, что в старом Аллакенде сюда опускали прошения и получали ответы. Муллы обманывали народ...

Ибадулла спросил уборщика о человеке, имя которого он вспомнил, и узнал адрес.

– Это большой человек. Многие приезжают к нему даже из далеких мест, – с уважением говорил уборщик, запирая решетку, – его дверь открыта для всех. Народ любит его.

Путь к ученому шел мимо большого минарета. Остановившись у его подножия, Ибадулла искал отдыха мыслям в воспоминаниях о прошлом величии города. Приближавшиеся к Аллакенду караваны видели постепенно поднимающуюся над горизонтом резную чалму минарета, первый признак города. Утомленные лаучи, погонщики верблюдов, радовались концу длинного и опасного пути через пустыни, становились на колени и творили благодарственную молитву. Затем они шли дальше и видели, как снизу минарет обрастал бесчисленными куполами мечетей и дворцов. Ночами, когда страшный ветер теббад вздымал соленую пыль и делал мрак непроглядным, в небе поднималось спасительное зарево нефтяных факелов, пылающих на вершине минарета, чтобы указать путешественникам дорогу.

Обходя башню, Ибадулла невольно ждал призыва муэдзина, возвещающего час молитвы, а услышал голоса русских. Двое сидели в тени минарета, а третий стоял спиной к Ибадулле и с увлечением говорил:

– Пусть рассказывают. Пусть это не сказка, а быль. Сверху сбрасывали людей, и кто-то обижается, если этот минарет называют минаретом смерти? В средние века всюду свирепствовали жестокие казни. В Аллакенде средневековые сильно задержались, но кто старое помянет, тому глаз вон. Ведь не для казней же строили минарет!

Русский в серой шляпе повернулся лицом к минарету, и Ибадулла узнал молодого человека, внимание которого вчера так смутило его под куполом Сараффон. Но в своем увлечении русский не заметил теперь Ибадуллу. Подняв голову, он говорил:

– Вы пригляделись, товарищи, а для меня тут все ново. Уметь найти такие пропорции, такие линии! Сколько столетий уже минуло, а созданное людьми чудо живет и живет... Вы говорите, что почти на четверть своей высоты минарет закрыт городскими отложениями? Но и сейчас он кажется неизмеримым. Как гениально осуществил древний зодчий свою власть над ощущениями человека, как изумительно выполнена работа!

Русский отступил, выбирая новую точку для обзора. Один из его товарищей сказал:

– Я прожил здесь тридцать лет, но люблю старые памятники города, как в первый день. Они несравненны. Здесь у нас есть еще много замечательных, неповторимых сооружений.

Ибадулла был поражен: эти русские умеют так же понимать и чувствовать, как он! Но молодой русский не дал ему времени на размышление. Он заметил Ибадулла и подошел к нему со словами:

– Вот мы и опять встретились. Вы иначе одеты, но я сразу узнал вас. Я не совсем вежливо вчера вас рассматривал. Простите меня, я впервые в Средней Азии, меня увлекают и лица и здания... Но вы, может быть, не понимаете по-русски?

Ибадулла с видимым трудом подобрал слова, нужные для ответа:

– Я понимаю... я плохо говорю... Но я понимаю.

– Ну вот, тем лучше, – похвалил русский. – А вы согласны с тем, что мы говорим о минарете?

– Да. Ваши слова – правда.

– Значит, мы единомышленники! – радостно воскликнул русский. – Так будем знакомы, – и он протянул Ибадулле правую руку, а левую приложил к сердцу. Русскому не удалось изящно сделать это движение вежливости; было видно, что у него совсем нет привычки. Однако Ибадулле было приятно желание русского подражать узбекским обычаям, он охотно принял протянутую ему руку.

III

Первые русские... Никогда еще не приходилось Ибадулле говорить с русскими. Кто они, коммунисты? Они были дружелюбно приветливы.

Вчетвером они зашли в столовую, ели острый мясной суп – шурпу и кебаб из баранины. Впервые в жизни Ибадулла сидел за столом вместе с людьми, так внешне похожими на инглезов или фаренгов. Это было странно, но еще более странной была манера русских говорить просто и горячо, как будто они не обдумывали свои слова.

О себе никто из русских ничего не говорил: или собственные дела были им неинтересны? Они охотно говорили о прошлом Аллакенда, обсуждали перспективы развития города и оазиса. Свои мысли русские излагали так, как будто от высказываемых ими мнений зависело их личное благополучие.

События семидесятых годов прошлого века... Русские войска в Самарканде. Решающая встреча с армией эмира и бескровная победа русских – сарбазы эмира разбежались при первых же выстрелах. Они не хотели защищать своего повелителя. Дехканин и ремесленник, насильственно загнанные в армию эмира, при первом удобном случае бросали оружие и уходили домой – они не боялись русских.

Малочисленные русские отряды страдали только от жары и тяжести непривычного климата. Собеседники приводили удивительные цифры. Несколько тысяч русских солдат осуществили присоединение эмиратов, населенных миллионами людей. По мнению собеседников Ибадуллы, произошло так потому, что народ ненавидел эмира...

Как большинство людей, родившихся и всю жизнь проживших на Востоке, Ибадулла в совершенстве владел выражением своего лица и умел ничем не выдавать своих чувств и мыслей. Иногда русские обращались к нему, спрашивая его мнение. Он отвечал одним словом или жестом. А ему очень хотелось вмешаться в разговор – задавать вопросы, спорить. Он был глубоко взволнован.

Некоторых выражений русских Ибадулла не понимал, его запас слов был ограничен, но общая нить рассуждений не ускользала. Они не хотели вреда его народу и, что было удивительно, о делах Узбекистана говорили совершенно как о своих. Так мог бы говорить узбек, а эти люди были посторонними!..

Вот они перешли к истории России и осуждают свое старое царское правительство с тем же жаром, как обвиняли эмират.

Ибадулла успел разобраться в своих новых знакомых. Младший недавно приехал из Москвы, он умел искать воду и строить каналы. Двое других были старыми жителями Аллакенда. Самый старший был очевидцем революции. Он рассказывал об энтузиазме восставших против эмира дехкан, рабочих и ремесленников, об отрядах революционеров, наступавших на Аллакенд сразу с нескольких сторон, о восстании, организованном коммунистами в решающую минуту в самом городе, и о тайном бегстве последнего эмира – Сеид-Алим-Хана.

– Никакая сила, – говорил старший русский, – не могла удержать народ в эмирском ярме, когда люди осознали значение происшедшей в России революции! Каждый хотел получить свою долю свободы.

Русский рассказывал о сговоре эмира с англичанами. Чтобы удержаться, эмир готовился продать Аллакенд Англии. Старшему русскому пришлось видеть примчавшегося в Аллакенд для заключения сделки английского генерала Малиссона. Аллакендские националисты-джандиды, объединившись в партию джумхуриет-улема, в союзе с религиозными фанатиками проповедовали призыв англичан и священную войну против русских. Народ решил иначе...

Ибадулла думал о стране, откуда он пришел. Ему казалось, что она находится в таком же состоянии, как его родина тридцать лет тому назад: ее явно готовились подчинить наследники инглезов-англичан американцы. И в ней богатые люди и муллы заключали союз с англо-американцами. Но русские продолжают говорить о родине:

– Будь Аллакенд вне пределов бывшей Российской империи, весьма вероятно, что сегодня здесь властвовали бы англичане и американцы в союзе с местной буржуазией...

Новые знакомые не позволили Ибадулле заплатить за обед.

– Вы были нашим гостем, – заявил старый аллакендский житель. – Мне кажется, что вы не местный, иначе я помнил бы ваше лицо.

Ибадулла не возражал. Да, он приезжий. Наудачу он назвал дальний предгорный район – тот, где его нашли и позаботились о нем, как о брате. Тогда молодой русский сказал Ибадулле, что он скоро поедет в те края искать воду. И тут же русские заговорили о тяжелом наследстве, оставленном эмирами. Воды было так мало, что каждый новый ребенок, родившийся в эмирате, оказывался лишним... потому что системы орошения пришли в упадок, последние эмиры не заботились о них.

Дальше Ибадулла потерял нить. Что? Русский сказал, что республика со временем уничтожит все пустыни?

«Может ли быть? – думал Ибадулла, глядя на русского. – Но ведь на родине всегда было больше пустынь, чем орошенной, возделанной земли...»

Он унес с собой странное ощущение прикосновения к некоему быстрому-быстрому движению, которое может унести человека, как река уносит попавший в нее кусочек дерева. И, как видно, жизнь этих трех людей так же полна, как эта река. Ни одной пустыни? Высокая, благородная цель!

IV

Ибадулла нашел дом, указанный ему уборщиком мавзолея. Но оказалось, что Мохамед-Рахим был не дома, а в своем рабочем кабинете, в здании одного из бывших медресе.

Главный вход в портале медресе был закрыт, и Ибадулла проник внутрь через боковую калитку. Изолированное со всех четырех сторон, здание открывалось обозрению только изнутри замкнутого двора, вымощенного каменными плитами. Посредине его росли высокие белые акации с полуютоцветшими гроздьями пожелтевших цветов.

Стены, только в отдельных местах пробитые узкими неправильными щелями редких окон, снаружи не давали возможности определить число этажей. Таков обычный план древних строителей: они стремились и укрыть обитателей от прямых солнечных лучей и дать возможность защищаться от штурма. Со двора было видно, что этажей только два. Двери комнат-худжр первого этажа открывались прямо во двор, а двери второго выходили на массивную каменную галерею.

Уже вечерело, и весь двор был в тени. Ибадулла невольно ожидал увидеть многих мужчин. Одни будут прогуливаться по обширному прямоугольнику двора, тихо и внушительно обмениваясь заранее взвешенными словами, другие – готовить пищу на горящих в мангалах углях, третьи – просто сидеть, размышляя, дремля. Так должно быть в медресе.

Но это было необычное. Из открытой ближней худжры первого этажа доносился резкий стук пишущей машинки. В двух или трех местах висели доски с названиями каких-то учреждений. Во дворе – женщины, дети... Великий минарет, мавзолей Исмаила Самани, мечеть-хонака существовали как памятники, а это громадное, отлично сохранившееся здание жило новой жизнью.

Ибадулла назвал имя Мохаммед-Рахима, и ему указали на одну из худжр второго этажа.

Очертания входа в худжру напоминали линии порталов древних мечетей. Здесь меньшие размеры еще яснее раскрывали мысль древних зодчих. Ислам навечно сузил рамки искусства запрещением изображать живые существа. Но чувство художника трудно сковать и невозможно избавить от заманчивого соблазна: дверной проем сужался в ногах, расширялся в плечах и венчался сводом – острой чалмой.

Линии входа, хорошо знакомые Ибадулле, сейчас смутили его. Он немного помедлил, а потом, пользуясь тем, что никто не ответил на его стук, тихо нажал рукой на тяжелое полотнище двери. Ибадулла переступил через высокий порог. Перед ним открылось удивительное по своей неожиданности зрелище.

Ему не приходилось видеть такой обширной худжры. Она была, быть может, шагов двадцать в глубину и не меньше в ширину. Здесь могли бы жить десять, нет, пятнадцать студентов-талоба и не мешать один другому. Но не размеры удивили Ибадуллу – книги. Они были всюду: и в шкафах вдоль чисто выбеленных известью стен, и на этажерках, и просто на полу. Царство книг. Толстые фолианты, распухшие от времени, в тяжелых деревянных переплетах, обтянутых истертой бурой кожей, – для одного такого нужна отдельная полка. Свитки рукописей. Самые разные по формату тома современных изданий, журналы в мягких обложках, газеты... Сколько знания!

В дальнем углу помещения Ибадулла заметил узкую деревянную кровать с небрежно брошенным на нее полосатым узбекским халатом. Налево стоял большой письменный стол. Перед сидевшим за ним человеком на специальной резной подставке лежала раскрытая старинная книга, рядом – письменный прибор, стопки чистой и исписанной бумаги. Каменный пол покрыт потертым, почти черным ковром. Ибадулла сделал несколько шагов и неуверенно остановился. Погруженный в чтение, хозяин не замечал посетителя.

На голове Мохаммед-Рахима была черная тюбетейка, лицо обрамляла короткая борода смоляно-черного цвета, подчеркивавшая необычный цвет лица – белого, без тени загара. Очевидно, ученый редко выходил на солнце.

Ибадулла ждал, соблюдал приличие. Через несколько минут Мохаммед-Рахим оторвался от книги и заметил его. Не удивляясь, протянул Ибадулле руку, и тот, сделав несколько шагов навстречу, пожал ее обеими руками.

Мохаммед-Рахим сделал рукой знак, приглашая сесть, и кивнул головой, предлагая гостю говорить.

– Я Ибадулла, сын Рахметуллы, – начал гость. – Мой отец покинул город и родину вместе с эмиром Алим-Ханом и умер в изгнании. Теперь я вернулся на родину...

– Так... Подожди! – перебил его Мохаммед-Рахим. Он встал и прошелся по просторной худжре, повторяя: «Рахметулла, Рахметулла...» Ибадулла следил за ним глазами. Ученый носил свободную куртку, расстегнутую на груди, широкие полотняные брюки и легкие туфли. Он был высок ростом, худощав и заметно сутуловат, но отнюдь не стар – лет на десять старше Ибадуллы, не больше.

Наконец он подошел к Ибадулле:

– Ты сказал – Рахметулла? Помню такое имя. Я изучал тот период. Среди беглецов и добровольных эмигрантов было два человека с таким именем... Чем занимался твой отец? Кем он был?

Мохаммед-Рахим стоял перед Ибадуллой и смотрел на него сверху вниз. Ибадулла хотел подняться, но Мохаммед-Рахим положил ему руку на плечо.

– Он был толмачом, – ответил Ибадулла.

– Какой же язык он знал?

– Русский.

– Хорошо. Ты говоришь правду. Итак, сын толмача Рахметуллы вернулся. Мой друг Мослим рассказывал мне о твоём отце, который имел несчастье покинуть родину. Ты вернулся? Вероятно, твой отец не сумел забыть землю отцов... А кто ты? К чему ты стремишься и чего ищешь на родине?

– Я ищу покоя моей душе, – ответил Ибадулла. – Я ищу указания и знания. Ты мудр, я слышал о тебе за пределами родины, даже в той стране, где жил. Я прошу тебя сказать, в чем долг человека и в чем величие родины.

Мохаммед-Рахим сел на свое прежнее место и спросил:

– Что ты делаешь сейчас?

– Я пришел в город, и я гость Мослима.

– Ты говорил с ним? Народ по праву зовет его Аделем – Справедливым. Слушайся его.

– Истина имеет много сторон, – возразил Ибадулла.

– Вот как?! – усмехнулся Мохаммед-Рахим. – Узнаю отзвуки хитросплетений, выдаваемых за науку учителями ислама! И ты действительно полагаешь, что одна сторона истины способна опровергать другую? Или ты, как истощенный жаждой конь, напившись из одного колодца, спешишь к другому?

– Я ничего не скрываю и не привык лгать. Мослим потряс мое сердце. Но во всем ли он прав?

Ученый резко захлопнул лежавшую на подставке книгу и повернулся к Ибадулле всем телом:

– Чего же тебе нужно от меня? Тебя кто-то послал? Говори правду!

– Я говорю только правду. Меня никто не посылал. Я одинок, свободен и люблю историю своего народа! В ней я ищу примера для себя.

Мохаммед-Рахим вглядывался в лицо гостя, стараясь определить его искренность.

– История, история... – произнес ученый после молчания, показавшегося Ибадулле очень долгим. – Поистине верно сказано, что ложь есть не что иное, как искаженное отражение правды. Я понимаю тебя. Но поймешь ли меня ты? Ты думаешь, что знаешь историю родины. Ты можешь любить родину, но не понимать ее истории, ее стремлений. Чего стоит такая любовь! Скажи, ты, конечно, не знаешь русского языка и не умеешь читать по-русски?

– Отец учил меня.

– Хорошо. Он любил своего сына. Читай!

На корешках книг, стоявших на ближней полке, Ибадулла прочел:

– Ленин...

– Ленин! – громко повторил за ним Мохаммед-Рахим. – Вот настоящий ключ к настоящему свету! Ты не имеешь этого ключа.

– Но я имею право искать истину и родину! – воскликнул Ибадулла. – Человек не может дышать, не зная истины и не имея родины.

– Ты говоришь громко, – с иронией заметил Мохаммед-Рахим. – Когда люди говорят слишком громко, они слышат только свой собственный голос. Ты выражаешься как человек, получивший образование. Ты учился?

– Да, в медресе.

– Почему же ты не стал муллой?

– Я не захотел. Я хотел знать истину и не узнал ее.

– Это признание делает тебе честь. Но ты жил среди людей, которые кричат изо всех сил, чтобы заглушить голос правды. А знаешь ли ты хотя бы такую простую истину, что не криком, а своей деятельностью люди доказывают любовь к родине? И что никто не получает родину по наследству, как дом или сад?

Глава пятая. Знаки величия

I

– Итак, – продолжал Мохаммед-Рахим, – ты утверждаешь, что знаешь историю. Хорошо... Посмотрим, узнаешь ли ты ее теперь. Читай! – И Мохаммед-Рахим дал Ибадулле несколько листов рукописи. Это были наброски одного из докладов, сделанных недавно.

«...Аллакендекая земля обладает неограниченным плодородием, но у нас, как и во многих странах Азии, с ранней весны и до поздней осени не бывает дождей. И жизнь нашего народа, естественно, привязана к течениям рек».

«Для меня прекрасное имя Зеравшана звучит, как бег воды, звенит, как золото. Зеравшан – Золотораздаватель! Действительно, в его песках можно найти чешуйку золота. Кто-то пытался объяснить имя реки такими находками. Любители желтого металла близоруки, золото Зеравшана – его вода!»

«Он, Зеравшан, рождается на хребте Кок-Су. Это тоже значительное имя – зеленая или живая вода. Сбравшись из речек Матчи, Ягноба, Рамы, Искандер-Дарьи, Зеравшан вливается из гор на запад и изгибается к югу».

«Наш Аллакендекий оазис создан плодородным илом, который Зеравшан принес в пустыню Кызылкум – Красные Пески. Здесь, перед своим впадением в Амударью, Зеравшан некогда разливался по низменности многими протоками, речками, озерами, болотами».

«Тогда древний низинный оазис был богат водой, тугаями, камышами. Озера и дельта Зеравшана изобиловали рыбой, тугаи кишели зверем и птицей. И первые люди появились здесь очень давно. В те дни Зеравшан был еще полноводным притоком Амударьи. Это было задолго до изобретения письменности... Тогда в горах на месте современных кишлаков Духаус и Тобушин еще лежали языки могучих ледников».

«Первые поселенцы на нашей земле были охотниками и рыболовами, и до нас дошло полное глубокого смысла предание об обстоятельствах появления первой государственности».

«В те годы оазис обладал уже развитой системой искусственного орошения, люди нуждались в централизованной системе управления каналами. Общим собранием народ из своей среды избрал первого бия по имени Аберци, и первый город возник как его резиденция и получил название Бийкенд – княжий город».

«И вот Аберци, по преданию, вскоре злоупотребил властью. Богатые начали покидать оазис, унося свое достояние. Но бедные люди без имущества восстали из любви к родине, силой свергли Аберци и избрали нового бия, Караджурину...»

«Богатый водой и землей оазис быстро заселялся. Из года в год тугаи отступали перед обработанными участками. Искусство проводить воду на поля так развилось, что уже не каждую осень Зеравшану удавалось достичь Амударьи. Взгляните на карту – Азия имеет характерную особенность: многие реки, начинаясь в горах, как бы теряются в пустынях. Это печать труда человека, а не прихоть природы!»

«Заселились и верховья Зеравшана. Под Самаркандом появилась плотина, и река распалась на два русла – Кара- и Акдарья, между которыми лег единственный в мире искусственный плодороднейший межречный остров Мианкаль».

«А в Аравии Магомет уже начал проповедь новой религии – ислама. В нем правящая верхушка арабов получила обоснование идей нетерпимости, захвата, угнетения и исключительного превосходства. Ислам узаконил право завоевания всех других народов: „Да будут они схвачены и да погибнут в страшной резне!“, „Рабы вне всякого закона, их жизнь зависит от прихоти господина!“»

«Богатый Восток давно привлекал внимание арабов. Мирные народы подвергались внезапному нападению фанатичных воинов и были насильственно обращены в ислам».

«Среди других завоеванных арабами городов Аллакенд выделился как торговый узел и перевалочный пункт на пути в Индустан и как центр исламистского благочестия, исламистской „науки“. Объявленный „священным“, Аллакенд застраивался пышными зданиями мечетей и высших исламистских училищ – медресе».

«Через четыре столетия после арабского захвата Средняя Азия испытала новое бедствие – нашествие монголов. Оно также осуществлялось под лозунгом нетерпимости. Великий хан монголов Темучин-Чингиз, разрабатывая теорию захватнических войн, сказал: „Оседлые – рабы, они должны быть вещью и пищей кочевников“».

«История монгольского нашествия была историей предательства. Развращенные исламом правящие классы не сделали ни одной серьезной попытки к сопротивлению и бежали, бросая области и города. Вооруженные силы использовались лишь как конвой для охраны вывозимого богатства правителей».

«Нашествие монголов ознаменовалось неопишуемым истреблением беззащитного населения. По словам поэта: „Они явились, предали все огню и мечу, пожару и грабежу“».

«Реки по-прежнему не отказывали людям в воде, но страна, потерявшая значительную часть населения, оживала мучительно и медленно. Трудящиеся восстанавливали разрушенные оросительные системы. Однако и через семьсот лет после монгольского нашествия еще встречались заброшенные каналы и поля».

«Осевшие монголы частично восприняли культуру завоеванных ими народов и охотно приняли ислам. В исламе монгольские ханы нашли более тонко и убедительно разработанную теорию захвата и насилия, чем в простых и грубых заветах „Чингис-хана“».

«Пора отметить две типичные исторические особенности нашей родины. Зависая от беспрерывного действия сложных оросительных систем, народ был прикован к созданным им сооружениям. Поэтому наши предки были более уязвимы в эпохи нападений захватчиков, и этим же облегчалась неограниченная эксплуатация трудящихся правящими классами. Тот, кто распоряжался головными сооружениями каналов, за горло держал народ».

«Второй особенностью была роль ислама как мировоззрения, поставленного на службу правящим классам. С помощью ислама тормозилось духовное развитие народа. Даже в семье ислам создал как бы два враждебных класса тем, что закрепил женщину как рабу и вещь мужчины».

«Развращающая роль ислама особенно проявилась в Аллакенде. Наш город почти тысячелетие был мировым центром исламистского образования...»

«Возвышались и падали властители, сменялись династии. За Саманидами явились Сельджуки, за ними хорезмские ханы. Монгольское нашествие оставило Чингизидов; им наследовали потомки Тамерлана. В 1500 году Шейбани утвердил свой род на престоле. Через сто лет власть захватили Аштарханиды. Им наследовала династия Мангитов. Она сумела дотянуть до года освобождения народа – тысяча девятьсот двадцатого».

«Но как бы ни называлась династия и какое бы имя ни носил ее представитель, всегда в Аллакендской цитадели, Арке, сидел ничем не ограниченный повелитель эмир. Что было народу, орошающему и возделывающему земли Аллакенда, до его имени? В руке эмира народ был как стадо в руке пастуха».

«Имамы, ишаны, муллы, чтецы Корана и учителя грамоты всегда внушали народу одну и ту же тысячу лет незыблемую истину: „Как пастух может в любое время зарезать любую овцу в своем стаде, так и эмир имеет священное неоспоримое и самим богом установленное право по своей воле пресечь жизнь любого человека“».

«Эмир заботился о двух вещах: во-первых, нужно собрать как можно больше налогов; и сборщики-дарги грабили народ в пользу эмира, не забывая и себя. Во-вторых, нужно грабить

другие народы, а свой держать в повиновении. На награбленные деньги эмир содержал армию и вел войны. Пословица говорит: „Кто взялся за рукоятку меча, тот не ищет предлогов“. И эмиры никогда не выпускали из рук ни рукоятки меча, ни кривого кинжала убийцы».

«И третья забота была у эмира, подсобная к первым двум: чтобы было с кого собирать налоги, нужно заставлять народ поддерживать сети магистральных арыков».

«Каждый мятежник, вольнодумец и непослушный объявлялся вероотступником: ведь, посягая на священную власть эмира, он разрушал ислам. Для таких всегда были открыты двери зиндана – подземной тюрьмы; их всегда ждали длинные ножи палачей. Для них был открыт и сиях-чах – черный колодец. В глубокой яме хранилось это единственное за тысячу лет изобретение эмиров Аллакендских, повелителей „Города бога“. Там жили особенные насекомые, называемые в народе „овечьими вшами“. Прожорливые, они могли заживо обглодать узника. Когда сиях-чах случайно пустовал, жизнь воспитанников эмира поддерживали кусками свежего овечьего мяса».

«Шпионы эмира бродили повсюду, ловкие, вкрадчивые, внимательные. Двунogie ищейки были натасканы в особом искусстве: скрещенными в рукавах халата руками они вслепую, но разборчиво записывали услышанные речи».

«Таков был мир ислама. Не только в Аллакенде, но и в Хиве-Хорезме, в Коканде, в Дели, в Тегеране, в Каире, в Феце и в Руме – Турции, империи Кейсар-и-Рума – султана, меча ислама...»

«Однако же Аллакендские эмиры владели еще одним рычагом власти и дохода, не менее важным, не менее, если не более, мощным, чем меч, нож и шпионы.

В Аллакенде не было ни священного черного камня Каабы, ни гроба пророка Магомета. Гробница льва ислама Али лежала далеко от Аллакенда, в увядшем городе Мазари-Шериф. Отпечаток ноги праотца всех людей Адама показывают на высокой горе на острове Цейлоне, а оттиск ноги Магомета на камне, называемом Кадам Рассул, хранится в Индии, в городе Лукноу...»

«В чем же таился секрет духовного могущества Аллакенда?»

«Вот поучительная история возникновения известного медресе Диван-Беги, здание которого отлично сохранилось и поныне. В 1033 году хиджры, системы мусульманского лунного счисления, в году, соответствующем 1623 году солнечного счисления, на месте, удобном для этой цели, началось возведение обширного караван-сарая. Но вмешался эмир и повелел:

– Да будет и это здание медресе».

«Были возведены два этажа, вмещающие девяносто худжр, удобных келий для наставников ислама и их учеников. Знатоки архитектуры и сейчас находят в здании некоторые отклонения от типичного плана медресе – эмир вмешался поздно. Так священный город получил двести сорок восьмое духовное училище. Да, двести сорок восьмое!»

«Эмиры Аллакенда были прославлены как владельцы „дома науки“ и „аудитории познания для всего света“. Они отлично понимали свои особые преимущества – крупных торговцев исламом».

«Диплом любого медресе Аллакенда признавался везде, где исповедовали ислам. Обладатель такого диплома повсюду становился – на выбор – муллой, учителем, судьей, чиновником, придворным летописцем, поэтом».

«Питомцы аллакендских медресе угодливо творили лживые исторические описания и создавали дутые репутации восточных владык, так легко принятые на веру многими европейскими учеными. Цветистые восхваления, потоки пышных слов прикрывали и оправдывали любые злодеяния».

«Выходцы из аллакендских медресе служили глашатаями и надежнейшими опорами власти. А для них самих диплом медресе являлся драгоценным ключом, отпиравшим двери к выгодным должностям и богатству».

«Со всей Средней Азии, из Индии и Турции, из Крыма и Казани прибывали разноязычные ученики всех цветов кожи. И, может быть, только один на сто тысяч стремился к истинному познанию. В иные годы в Аллакенде скопилось больше тридцати тысяч талоба – студентов».

«И со всей Азии „Святой город“ собирал стариков, благочестиво жаждущих погребения в благословенной земле аллакендских кладбищ».

«Благодарные „ученые“ ислама рьяно проповедовали народу покорность эмиру, внушали ненависть к другим народам и к свободной мысли, воспитывали злобу и презрение ко всему, что находилось вне ислама».

«Их деятельность была успешной. За тысячу лет власти эмиров не произошло ни одной перемены. Ни одного изобретения или технического усовершенствования. Наоборот, древние ремесла и древнее искусство народов падали. Общественные отношения так же закалились, как ручные ремесла, изумительно трогательные по тщательности, терпению и мастерству работника».

«Неизменные приемы обработки почвы, постепенно истощаемой невежеством руководителей; слепое уничтожение степных кустарников и трав, вызвавшее распространение пустынь; непрестанные эпидемии, остановившие прирост населения. Тысячелетие деревянного плуга-омача, кетменя и цепи...»

«Таково наше прошлое... Я утверждаю, что подлинная основа истории нашего народа заключалась в стремлении освоить приречные территории созданием искусственного орошения, и, невзирая на все помехи, народу это удавалось».

«Характернейшая черта нашей новой, советской истории есть впервые полученная народом возможность всецело заняться своим настоящим делом. Пройдут десятилетия, и в один плодороднейший массив соединятся все приречные оазисы – от Каспийского моря на западе до горных восточных границ. Перед нами – будущее исключительного благоденствия. Тому, кто понимает величие наших дней, прошлое невольно кажется малым и темным...»

«Чем больше наши успехи, тем острее борьба врагов. И среди нас еще живут скрытые, но злобные враги народа».

«На вооружение врага принят и ислам. Чтобы помешать человечеству стать счастливым, империализм использует исламистские идеи, развращающие сознание и волю людей...»

«Кто-то сказал, что лучшая религия та, которая приносит прекрасные надежды юношам, здравые советы – зрелости и нежные утешения – старикам. Сколько коварства в этих простых на вид словах! Наша сила – знание, а не вера. Мы спокойно отвергаем ислам и всякую другую религию».

«Но мы не можем забыть об исламе. Им питаются сохранившиеся у нас пережитки буржуазной, частнособственнической идеологии и морали!»

II

В худжре Мохаммед-Рахима было два окна. Одно открывалось на уровне пола, оно пряталось в глубокой щели стены, подобное амбразуре-бойнице для старинной медной пушки. Другое было прорезано наверху, наискось от нижнего. Его подоконник начинался высоко, на уровне человеческого роста.

Снаружи на толстую стену бывшего медресе падали лучи вечернего солнца. Отсвет проникал в худжру, освещал почти черный ковер, закрытую книгу на подставке и белые пальцы Мохаммед-Рахима.

Ибадулла смотрел на неподвижное лицо ученого и думал: «Сейчас этот суровый мудрец скажет мне: „Уходи, ты мог бы и не приходиться сюда“».

Мохаммед-Рахим поднял глаза и, не моргая, взглянул на Ибадуллу. Молчание длилось.

Заходящее солнце опускалось все ниже, лучи пробились в худжру, осветили лицо Мохаммед-Рахима, и он опустил глаза.

Ученый размышлял. Наконец он опять посмотрел на гостя. Во взгляде было сочувствие. Оно пробудилось в его сердце для человека, решившегося вернуться на родину из далекого невольного изгнания. Мохаммед-Рахим сказал:

– Ты нашел меня в здании медресе. Наши предки хорошо умели строить, мне удобно работать за этими непроницаемыми для звуков и зноя стенами. Я попробую говорить с тобой языком, который много столетий однообразно звучал здесь. Вероятно, этот язык будет тебе понятней. Итак... «не скрывайте истину, когда вы знаете ее». Вот изречение, знакомое тебе с раннего детства. Да, путь человека тяжел и должен освещаться. Я вижу, ты бредишь великим прошлым нашей родины, ты хочешь великого будущего и готов добывать его даже мечом... Не отвечай, я знаю и помогу тебе. Когда ты, погружаясь в предания, читал и слушал повествования о прошлых днях, с кем ты был? Твои чувства увлекали тебя с полководцами и властителями! Ты вторгся в Синд вместе с всадниками Имад-уд-дин-Мохаммеда, ты завоевывал Индию рядом с Мохаммедом-Газневи и Мохаммедом-Гхори. Ты строил государство рука об руку с Исмаилом Самани, защищался от монголов с Джелал-эдином, совершал походы с Тимурленгом, был советником Шейбани... Да, ты страстно хотел победы одним, желал поражения другим. Тяготясь медлительностью героев, потрясавших твое воображение, ты всей душой подстрекал их к войнам и сражениям...

Ибадулла бессознательно кивал головой, соглашаясь. Ученый читал в его душе. Так было – и трепет, и горечь неудач, и восторги побед.

Мохаммед-Рахим увлекался и говорил все более громким голосом:

– Вместе с завоевателями ты выступал в походы, взбирался под тучами стрел на стены крепостей, истреблял армии и тешился уничтожением народов!.. Безумец, ощупью, без света ты бродил в прошлом. А страдания народов, кровью которых, как пиявки, жили твои «великие мира»? А жалкая участь угнетенных и поработенных? А безысходное бесправие мужчин и позорное рабство женщин? Что это? Только пыль под копытами коней твоих героев? Твои заблуждения глубоки, человек!

Ибадулле показалось, что большие черные глаза ученого раскалились и жгут. Ибадулла вздрогнул, как человек, внезапно уличенный в совершении злого дела.

– Величие? – продолжал Мохаммед-Рахим. – Наши отцы и матери были живым зерном в жерновах угнетения, а все же находили силу заботиться о родине, любить друг друга и воспитывать детей. Не там, где следует, ищешь ты, Ибадулла, сын Рахметуллы, знаки величия! Ты невежда, и ты еще имеешь гордость кричать?!

В лице Мохаммед-Рахима было столько грозного, что Ибадулла невольно откинулся назад.

– Не бойся, – сказал ученый, – следуя велению совести, я даю тебе наставление, и только... Нет границы, отделяющей прошлое от настоящего, но прошлое зачастую может быть рукой мертвеца, который ловит живого за ногу. Ты человек, и никто не может оспорить твое право на счастье! Но я смотрю на тебя и думаю: ты еще окружен тенями, единственное место которым в могиле. Ты раздражаешься, когда жизнь оказывается непохожей на образ, созданный твоим воображением. В сущности, ты находишься в смертельной опасности, но знаешь ли ты это? Ты стоишь на краю гибели, ибо среди мертвых призраков прячутся живые злодеи – таков их обычай.

– Нет, я ушел от них! – почти крикнул Ибадулла.

– Не лги, ты не ребенок, – строго возразил Мохаммед-Рахим. – Ты должен понять, что, если не сумеешь сорвать со своей кожи коросту предрассудков, злодеи найдут тебя и на краю света.

Уже наступили сумерки, и в худре ученого стало темно. В яйце свода точно сама собой зажглась электрическая лампочка. Падая сверху, желтый свет положил резкие тени на взволнованное лицо Мохаммед-Рахима.

III

...Да, в новую жизнь нечего взять с собой; как нищий, пришел он на родину.

Ибадулла растерялся. Ему казалось, что само движение времени остановилось и опять наступил страшный час, как в горах, когда разрушались вечные каменные хребты. Ничто не защищало его. Он закрыл лицо руками, его глаза стали влажными впервые за несколько лет.

Мохаммед-Рахим заговорил вновь, прерывая гнетущее молчание:

– Иногда во мне думают найти злого и глупого фанатика-муллу, полного затверженных наизусть слов и готовых на все случаи жизни изречений. Есть люди, которые могут во всех видеть только отражение собственных заблуждений. Не будь таким. Я разорвал ислам, религию богатых, вероучение насильников, исповедание рабства и крови. В наши дни создается подлинная религия мира созидания. Самый скромный строитель оросительного канала достойнее чингизов и тамерланов, его кетмень драгоценнее меча искандеров.

– Я знал труд и уважаю труженика, – прошептал Ибадулла, – я не жил чужим потом...

Голос ученого смягчился:

– Придя на родину, ты должен знать, что она зовется Советский Союз и наш Узбекистан – часть дома для всех людей и для всех народов. Падение ждет угнетателей во всем мире. Они теряют власть, но корни зла еще живут. Есть один общий враг – богатство одних, созданное из нищеты других. Пока это еще есть в мире, люди разделены и народы несчастны. Есть много плохих людей, но никто не дурен или хорош лишь потому, что родился узбеком, таджиком, туркменом, казахом, киргизом, евреем, русским, индусом, китайцем... Твоя родина, сын Рахметуллы, живет в семье народов, доверяй братьям. Теперь я отпускаю тебя, в твоей душе нет зла. Моя дверь будет открыта для тебя.

– Но назови мне людей, кому я могу довериться, – попросил Ибадулла.

– С чистой целью верь чистым людям. Верь коммунистам, остерегайся тупиц, пытающихся идти с лицом, обращенным вспять, и злобствующих в тиши. И здесь есть злобные безумцы, до сих пор проклинаящие в душе эмира Мозаффара за то, что при нем пришли русские. Верь доказывающим любовь к родине делом, не доверяй болтунам... Различай человека, а не цвет его кожи или место его рождения. Ты гость Мослима, доверяйся ему как отцу!

IV

Когда утром Ибадулла ушел, чтобы походить по родному городу, глубоко и надолго задумался Мослим-Адель, справедливый человек, заслуженный учитель республики. Он сидел неподвижно, с привычно поджатыми ногами. Его глаза были устремлены в одну точку. Свое сердце и дверь своего дома он раскрыл перед человеком, пришедшим из-за рубежа...

Медленное и слабое старческое дыхание не беспокоило пчелу, присевшую отдохнуть на длинной желтоватой бороде спокойного человека.

Размышление перешло в легкий сон. Пчела улетела, луч солнца переместился из одного угла комнаты в другой.

Пробуждение принесло уверенность и решение. Мослим поднялся, взял трость и вскоре вошел в здание, расположенное на площади, недалеко от городской крепости Арка.

Тургунбаев не заставил посетителя ждать. Он немедленно принял Мослима, обеими руками пожал его руку, усадил его на диван и сел рядом.

Мослим рассказывал не торопясь: хозяин слушал не перебивая, озабоченно покачивал головой. Уже окончилась повесть о путнике Ибадулле, но не сразу заговорил Тургунбаев. Он встал, несколько раз прошелся взад и вперед, открыл дверь в соседнюю комнату, сказал своему секретарю:

– Я еще занят, если кто придет, пусть подождет. – Вернулся и вновь сел рядом с Мослимом. – Что же ты хочешь посоветовать мне сделать?

– Закон справедливо строг к преступнику, но добр к человеку, не умышляющему злого, – ответил Мослим. – В своих помыслах Ибадулла невиновен. Его отец был слаб и совершил роковую ошибку, последовав за эмиром. Он потерял родину. Увез сына... Но сын не должен отвечать за отца. Ошибки родителей не могут быть судьбой для детей.

– Конечно, нет. И сын не отвечает... Да. Но сам он скрытно перешел границу. Это его преступление.

– Его толкало желание найти родину, и он был готов совершить проступок. Но в стране, где он вырос, иначе понимают многое, чем мы. Он не думал о преступлении. И в том месте и в тот день, когда он шел, границы не было.

– Как?! – и Тургунбаев удивленно поднял свои густые черные брови.

– Это было во время большого землетрясения в горах.

– Ах, вот что! Но ведь граница все же осталась.

– Не думая о дурном, человек не посчитался с границей.

– И это верно... Действительно, какой трудный случай.

Зазвонил телефон. Тургунбаев поднял трубку:

– Прошу извинить, я очень занят, позвоните позже.

Мослим настаивал:

– Прошу тебя, пойми. Ты молод, ты не знал таких людей, для тебя это история. Он пришел из прошлого, пришел в мой дом доверчиво, как ребенок. Он ищет родину и не хочет нам вреда. Он не преступник, он несчастен. Нужно помочь ему. Мы всегда были строги к врагу, но добры к человеку... Я верю ему. Убедись и ты.

V

С трудом возвращается домой Мослим-Адель. Прохожие здороваются со старым учителем. Кого только не знает он! И все знакомы с ним. Он приветливо отвечает, но перед его глазами ходят круги. Нет, без отдыха не дойти домой...

Тяжело человеку его возраста слишком много волноваться. И спал он очень плохо – после прихода сына Рахметуллы болело сердце, ныли ноги и плечи. Во рту был дурной вкус, точно от плова, сваренного в плохо полуженном котле. Печень давила в бок и мешала дышать.

Память, злая память, она хуже больных сердца и печени. Всю бессонную ночь ходила память по страшным закоулкам прошлого. Все вышло из глубокой могилы, все вновь поднялось, как только человек назвал себя. Лет пятнадцать назад Мослим писал Рахметулле, приглашал вернуться на родину. Теперь пришел его сын и с ним – образы ужаса и крови.

Тридцать лет прошло со дня бегства эмира Сеид-Алима, никогда не воскреснет прошлый мир. Но он живет в памяти, проклиная и злобный, как ядовитая серая эфа. Нет, не отдаст Мослим и одного дня своей дряхлой, угасающей жизни за целый год той молодости, что была прожита в старом Аллакенде, владении последнего династа из рода Мангит.

Мослим сидел на скамье в маленьком городском саду и обеими руками опирался на загнутую рукоятку трости. Сердце уже билось ровнее, и дышалось легче.

К месту, где отдыхал Мослим-Адель, подошел его старый друг, профессор Аллакендского педагогического института. С ним был молодой человек, москвич, в серой фетровой

шляпе, работник одной из многочисленных экспедиций, занятых съемкой в пустынях и изыскивающих новые источники воды для орошения.

Мослим оживился. А не будет ли новому русскому другу нужен работник? Мослим может поручиться за одного человека. Он еще молод, вынослив, знает местные условия и способен выполнять любую работу, не требующую, конечно, специальных знаний.

VI

Ночь. Высокие минареты и закругленные купола древнего Аллакенда растворялись в черном небе. В неизмеримой выси мелькнула золотая стрела падающей звезды – по преданию кочевников это ангел метнул копье в джинна, подслушивающего тайны неба...

Ибадулла сидел около минарета Калян, неподвижный, как камень. Без обязанностей, без семьи, он был свободен.

В родном городе нашлось все описанное отцом. Память подсказывала лишь, что прежде – ведь он был тогда трехлетним ребенком – все – и здания, и улицы, и площади – было гораздо больше. И все же дом предков весь перестроен, потому что в нем живет новое поколение, говорящее на том же языке, но чувствующее и мыслящее иначе. Ибадулла сознавал себя отставшим, опоздавшим, точно родина в своем движении опередила его, стоявшего на месте.

В доме старого Мослима Ибадуллу ожидали хозяин и двое гостей. Один был зрелым мужчиной, лет на пятнадцать старше Ибадуллы, другой мог быть ровесником пришельца.

– Мои друзья, – представил их старый учитель. – От них я ничего не скрываю, я просил их прийти, чтобы они вместе со мной выслушали повесть твоей жизни и дали советы, как помочь тебе.

Рассказ был труден. Ибадулла вспоминал вслух, не пытался оторвать одно или отбросить другое. Рассказ не был связан, детские годы заслоняли недавнее прошлое; вмешивались впечатления последних дней и заставляли повторять, давая новое ощущение и смысл пережитому раньше. Не замечая, пришелец говорил и о быте народа, среди которого он жил до сих пор, о печалях покинутых им людей, об их надеждах, о бедности и о жестокости борьбы за существование.

Поднимая глаза, Ибадулла видел спокойные и внимательные лица гостей Мослима и чувствовал, что его понимают. Никто ни разу не прервал Ибадуллу, не помешал говорить и не помог подсказом.

...На следующее утро гости Мослима навестили Тургунбаева.

– Мы видели этого человека, – сказал младший, – и выслушали его.

– И что же?

– Нет нужды принимать по отношению к нему какие-либо меры ограничения. Нужно дать ему право на жизнь и на работу. Мослим прав.

– Да, так, – подтвердил старший. Он не был многоречив, и Тургунбаев знал цену его слов.

– А этот Ибадулла не подозревал, кто вы? – спросил Тургунбаев.

– Нет, – ответил старший.

– Он искренен и доверчив, – дополнил младший.

– Благодарю вас, товарищи, – сказал Тургунбаев. – Итак, Мослим не ошибся. Я рад за него и за этого человека.

– Я тоже, – заключил старший.

Часть вторая. Ночное путешествие

Глава первая. Кровавые планы

I

Другая страна, иной, чужой мир... За пределами азиатской границы Советского Союза, в полутора или в двух часах полета к юго-востоку, есть город. Его узкие, кривые переулки сходятся и пересекаются без всякого плана, под самыми случайными углами. Переулки не мощены, изрыты ямами – неизгладимыми следами зимних дождей – и забросаны нечистотами – свидетельством тесноты и невежества жителей.

Здесь, когда начинаются дожди, пешеход тонет выше колена. Никто не в силах избежать ловушек глубоких рытвин, когда все затоплено жидкой глиной, клейкой, как кисель, коричневой, как кофе, и смрадной. Счастлив тот, к чьим услугам ноги лошади, мула или осла...

Летом переулки высушены солнцем, разрезаны короткими тенями, душны, знойны, зловонны. Стены на солнечной стороне облеплены сплошной черной и живой массой из мириад мух.

Здесь мухи – стихия, упорная, непобедимая и злая. Недаром древние народы имели особого бога и для мух по имени Зебуб.

Целыми часами можно блуждать в переулках, поворачивая неизвестно куда. Ничего не видно, перспектива ограничивается несколькими десятками шагов. Все однообразно, все

близко. И случайный пешеход быстро теряет представление о времени, и путь кажется бесконечным.

Нигде ни одного окна. Из глухих стен торчат бурые, растрескавшиеся и сухие, как порох, концы тонких балок. Местами свисают неровные срезы кровель из почерневшего камыша или рисовой соломы, прикрытые слоем все той же глины. Вероятно, за глиняными стенами стоят глиняные дома, но с улочек их не видно. Все сложено из глины. Это не простая глина, она – плодороднейший азиатский рыжий лёсс.

В стенах встречаются узкие двери, они всегда заперты. Замкнуты и узенькие ворота.

Через ямы и бугры с трудом тащится высокая повозка на двух огромных колесах с толстыми деревянными спицами и массивными ободьями. Возница сидит на спине осла, его ноги касаются земли. Перед своими воротами человек слезает и выпрягает осла. Противоположная стена переулка так близка, что оглобли не дают возможности повернуться. Пока человек возится с воротами, потревоженные мухи гудят и густыми роями опускаются на осла. Истощенное животное не шевелится, только болезненно передергивает потертой кожей и моргает гнойными глазами.

На стене распласталась пестрая кошка, которая провожает прохожего диким взглядом суженных, как черточки, зрачков. Пробегает молчаливая собака. У нее лохматая желтая шерсть, уши срезаны вплотную к черепу, а хвост обрублен до корня. Это сделано для того, чтобы сторож имел хороший слух и был зол. Старые обычаи прочны... Собака измождена и печальна. Стрелой она проскакивает мимо прохожего в страхе перед привычной жестокостью человека.

Не слышно голосов, все точно вымерло. Изредка гнетущее молчание разрывает безобразный, задыхающийся рев осла; ему отвечает другой такой же.

Люди встречаются редко. Мужчины смотрят прямо перед собой, они безразличны и не обращают внимания на случайного прохожего. А на кого смотрит женщина и смотрит ли она вообще, кто может сказать? Лица женщин спрятаны под черными покрывалами из толстого конского волоса. Покрывало падает низко, ниже колен. Что оно скрывает? Нежную смуглую кожу или глубокие морщины? Ясный взгляд или вывороченные трахомой веки? Строгий профиль или страшную «львиную» маску проказы?

По закону ислама женщина обязана иметь во рту «платок молчания». Зачастую волосные сетки попорчены на уровне рта. Может быть, так легче дышать... Привычка закусывать покрывало свойственна многим женщинам.

II

Почему же, за чью вину эти женщины обречены из поколения в поколение видеть свет дня через черный сумрак плетеного лошадиного волоса? Это древняя легенда, не каждый знает и понимает ее смысл...

Случилось как-то престарелому пророку Магомету почтить посещением дом своего приемного сына Гарета. Молодой человек не был предупрежден и отсутствовал. Честь принять святого гостя выпала на долю его жены. Пророк долго и громко восхищался ее несравненной красотой. Вернувшись домой, Гарет немедленно отослал женщину в дом пророка, и живой подарок был принят с радостью.

Мусульмане, сведущие в Коране, по-разному говорят о смысле этого события. Иные склонны возвеличивать силу сыновней любви, восхвалять преданность старшим и умение угадывать их желание. Другие одобряют и ставят в пример мудрость человека, умеющего вовремя и добровольно уступить свое достоинство. Жена есть такое же владение мужа, как конь или одежда. Лучше отдать самому, чем ждать, когда отнимут силой; это истина, познание которой облегчает существование слабых.

Так или иначе, но и в те дальние годы нашлись люди, которые вслух усомнились в правоте Магомета. Их смелые слова дошли до ушей пророка, и он обратился к богу. Наутро бог устами своего пророка изрек пятьдесят девятый суррат Корана, разъясняя, что отец имеет право взять себе жену не родного по крови сына. Этим откровением бог вновь укрепил власть Магомета над душами и телами людей.

Однако же бог милостив и милосерден. Чтобы в дальнейшем уменьшить соблазны, покончить с поводами для сомнений и разлада и навсегда обезопасить правоверных от искушения красотой чужих жен, бог приказал пророку:

– Предпиши своим женам и всем дочерям и женам правоверных опустить покрывало донизу!

Это повеление бога записано в том же пятьдесят девятом суррате Корана, оно – закон!

И вот уже больше тысячи трехсот лет женщины всех народов, принявших ислам и исповедующих Коран, открывают свои лица только перед мужьями. Старые обычаи прочны...

Но мешает ли черное покрывало богатым и сильным людям отнимать красивых жен и дочерей у бедных и слабых?

Горячий ветер врывается в переулки и подхватывает сухую мелкую пыль. Серые облака взлетают над слепыми стенами. Местами из-под стены вытекают ручейки мутной воды и прячутся под другими стенами.

Только ветер и вода знают, что делается в домах людей, они не расскажут.

Мусульманин живет спиной к улице, он привык тщательно прятать свое имущество и все мелочи своей личной жизни от жадного случайного взгляда. Но спасают ли его стены от насилия со стороны тех, кто имеет власть?..

III

Внезапный и крутой поворот переулка выводит прохожего на простор. Он видит широкую белую дорогу, и перед ним открывается неожиданно обширный мир.

По обочинам дороги выстроились высокие деревья. За обочинами, в двух широких, обложенных камнем канавах, бежит обильная вода.

Поистине здесь пролегает граница двух миров. Против глиняного городка открывается подлинный Эдем – рай, обещанный своим последователям пророком Магометом. Не нужно умирать, чтобы увидеть его!

Среди густых садов белеют красивые дома. В пышной листве прячутся крытые веранды, виднеются опущенные над окнами полотнища парусины – защита от солнечных лучей. В садах повсюду струится обильная вода. Над одним из домов развевается большой американский флаг со звездами и полосами. Дом выстроен по европейскому образцу, но на его крыше поместили киоск в восточном стиле, с резными столбиками и остроконечным куполом.

Из киоска открывается отличный вид на ближние и дальние окрестности. Отсюда лабиринт переулков, тесный мирок глиняных стен и плоских крыш представляется отталкивающе грязным пятном даже дельцу, умело эксплуатирующему дешевый труд нищего народа.

От «земного рая» его надежно отделяет дорога, бегущая с запада на восток от ближайшей государственной границы. Дорога широка и пряма. «Земной рай» хорошо виден обитателям глиняного городка.

Учителя и вожди ислама утверждают, что такие наглядные примеры приносят поучение правоверным. Религия разъясняет, что только собственные грехи удерживают людей в земном аду. И совсем не так плохо, когда перед взором человека постоянно находится убедительная картина награды, которая обеспечена в той жизни за унижения и бедствия в этой. А так как та жизнь, за гробом, вечна, то что значат в сравнении с ней короткие годы между рождением и смертью человека?

А в этой жизни бог награждает своих избранных богатством. Чем богаче человек, тем больше он отмечен милостью бога! И покушение на неравенство между людьми есть покушение на бога!..

Из киоска под полосатым флагом обозревается равнина с возделанными полями. Магистральные арыки обозначены прижавшимися к ним безобразными, почти голыми, корявыми стволами тутовых деревьев, с которых срезаны все побеги с листьями, чтобы кормить червей шелкопряда.

Поля рассечены лабиринтом низких глиняных стен. Как ни драгоценна орошаемая земля, каждый мелкий собственник ограждает свой клочок. Каждый сеет то, что вздумает и когда захочет. В году бывает два, три и четыре урожая. Где-то нужно кормить осла, козу, овцу. Для всех нужд есть только один маленький кусочек плодородной почвы, в нем вся жизнь семьи.

Легко заметить, что на орошенных полях арыки и стены занимают больше трети всей удобной земли. Странно, расточительно, бессмысленно... Но старый уклад прочен.

Такие города и поселки, как этот, расположены и в полутора и в двух часах полета от границ Советского Союза и на других расстояниях. Их много.

IV

К западу от дороги, среди возделанных полей, резко выделялась широчайшая ровная площадь однообразного желтого цвета, освобожденная от арыков и деревьев. Внимание трех человек, поднявшихся в киоск под полосатым флагом при восходе солнца, было обращено туда.

Лицо генерала сэра Барнса Этрама, сухое, длинное, с выцветшими глазами и серыми усами, которые падали на квадратный подбородок, отвечало типу офицера английской армии, хорошо известному по иллюстрированным журналам. Генералу было больше шестидесяти, однако он держался очень прямо и имел весьма бодрый вид в свежем широком полотняном костюме, который казался на нем мундиром, хотя на плечах не было погон, а на груди – знаков отличия. Тип военного, которого легко узнать в любом костюме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.